

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Н.В. Рябинина

**Социальная политика Советской России
(октябрь 1917 – 1920-е годы).**

Женщина, семья и дети в новом обществе

Учебное пособие

Ярославль 2004

ББК ТЗ(2) 613-2я73

Р 98

УДК 94 (47+57)+316.334.3+316.356.2

Рецензенты:

кафедра отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского;
канд. ист. наук Н.В. Обнорская.

Рябина Н.В.

Социальная политика Советской России (октябрь 1917 – 1920-е годы): Женщина, семья и дети в новом обществе: Учебное пособие / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2004. 100 с.

ISBN 5-8397-0334-6

В учебном пособии рассмотрены вопросы, связанные с теоретической разработкой и законодательным закреплением ряда аспектов социальной политики Советской России, проводимой в 1917 - 1920-е годы. Показаны процессы реформирования семьи и быта, женской эмансипации, формирования системы социальной защиты материнства и детства.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 020700 История (дисциплина "Социальная политика советского государства в период нэпа", блок ДС, очной формы обучения; дисциплина "Социальная история", блок ДС, очно-заочной формы обучения).

ISBN 5-8397-0334-6

© Ярославский
государственный
университет, 2004
© Рябина Н.В., 2004

Введение

“События октября 1917 г. послужили началом коренных перемен в российском обществе”, - подобным образом начинается великое множество исследований, посвященных истории советского государства. Но каким бы привычным “штампом” ни выглядели эти слова, сегодня – тоже в эпоху кардинальных перемен – мы по-прежнему признаем их правоту. Предметом рассмотрения в данной работе будет одно из самых важных направлений деятельности новой власти – ее социальная политика. Непосредственно связанная с человеком, условиями его жизни, социальная политика представляет собой мощный фактор, влияющий на стабильность общества и государства. Она нацелена на защиту всех граждан от деструктивных процессов, наблюдающихся на определенных этапах развития государства, на удовлетворение социальных потребностей народа.

После прихода к власти большевистское правительство объявляло о приоритетном развитии социальной сферы и действительно предпринимало важнейшие шаги в данном направлении. Но обстановка гражданской войны, развала экономики не позволили в должной мере решить насущные проблемы людей. Улучшения ситуации ждали в мирное время, однако 1920-е годы оказались для многих еще более тяжелыми. К сожалению, в реальной политике социальная сфера часто отодвигается на задний план, особенно в периоды экономических реформ. Так было в 1920-е годы – в период осуществления новой экономической политики, то же самое мы испытываем на себе и сегодня. Ставка на экономическую эффективность далеко не всегда сочетается с социальной защищенностью населения. В резолюции, принятой на X Всероссийской партийной конференции в декабре 1921 года, говорилось, что “без решительного сокращения государственного бюджета восстановление народного хозяйства страны невозможно”, поэтому “...неизбежные в этих условиях жертвы в области удовлетворения тех или иных потребностей должны быть принесены без колебаний”¹.

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. (1917-1922 гг.). С. 468.

Именно социальная сфера и стала той жертвой, которая была принесена во имя восстановления народного хозяйства страны. Она была отодвинута на задний план, оставлена “до лучших времен”. Государственными органами не было разработано перспективных программ по функционированию социальной сферы в новых экономических условиях, безболезненному приспособлению ее к деятельности на других основах, поэтому и последствия перехода к НЭПу были столь тяжелыми. Исходя из принципов экономии денежных и продовольственных ресурсов, резко сокращалось финансирование социальной сферы, осуществлялся принцип покрытия местных расходов местными же средствами. Сеть учреждений социального обеспечения переводилась на совершенно неподготовленный к этому местный бюджет, что приводило к сокращению сети, ухудшению состояния оставшихся учреждений. Страдали от этого прежде всего наименее защищенные слои населения, зависевшие от помощи государства – женщины, дети, пожилые люди, инвалиды. Обострялись такие социальные бедствия, как безработица, детская беспризорность, преступность, росла смертность.

Однако, несмотря на крайне слабую социальную защищенность, в отношении женщин, семьи, детей правительство в рассматриваемый период 1917 – 1920-х годов предприняло проведение целого ряда глубоких социальных реформ. На теоретическом, а затем и законодательном уровнях происходила трансформация прежних семейных устоев, изменение положения женщины, уравнение ее в правах с мужчиной в политической, экономической, общественной, семейной сферах жизни, осуществлялась разработка новых принципов воспитания подрастающего поколения. Все эти процессы не были легкими и безболезненными. Теории нередко расходились с реальной действительностью и вместо позитивных результатов, на которые они были направлены, приводили к серьезным проблемам. Но прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению процесса разработки социальной политики Советской России в 1917 – 1920-х гг. по решению “женского вопроса”, реформе семьи, защите материнства и детства, воспитанию “нового человека”, следует обратиться к краткому анализу уже имеющихся (опубликованных) исследовательских трудов, посвященных данной проблематике.

В историографическом изучении названных вопросов можно выделить несколько этапов:

- 1) 1920-е годы;
- 2) 1930-е годы – середина 1950-х годов;
- 3) середина 1950-х - середина 1980-х годов;
- 4) середина 1980-х годов - середина 1990-х годов;
- 5) середина 1990-х годов – по настоящее время.

Первый период историографии привлекает к себе особое внимание, поскольку начальный процесс изучения социальной политики происходил одновременно с ее фактической реализацией. Исследователями являлись непосредственные участники событий – “творцы истории” – от рядовых работников детских домов и детских садов до политических деятелей. В этом отношении следует подчеркнуть, что работы данного периода занимают промежуточное положение между исследованиями и источниками по теме. Они содержат огромный фактический материал, представляющий источниковую ценность, и во многом носят описательный характер. Но учитывая данную специфику, не следует совсем сбрасывать со счетов значимость этих работ как исследований. Именно в этот период обозначились основные направления изучения темы, были сделаны первые шаги в плане систематизации источникового материала, его анализа.

Первую группу работ по социальной политике представляют труды государственных деятелей послереволюционной России – В.И. Ленина², А.М. Коллонтай³, С.И. Каплуна⁴, Е.И. Ярославского⁵, Н.К. Крупской⁶, А.В. Луначарского⁷ и др. В них был заложен теоретический фундамент социальных реформ применительно к условиям Советской России, а также проанализированы первые итоги их осуществления. Труды эти содержат и много конкретного

---

² Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике // Полн. собр. соч. Т. 39; Он же. Великий почин // Полн. собр. соч. Т. 39; Он же. Советская власть и положение женщины // Полн. собр. соч. Т. 39; и др.

³ Коллонтай А.М. Общество и материнство. Пг., 1916. Т. 2; Она же. Положение женщин в эволюции хозяйства. М., 1922; и др.

⁴ Каплун С.И. Современные проблемы женского труда и быта. М., 1924.

⁵ Ярославский Е.И. Мораль и быт пролетариата в переходный период. Л., 1926.

⁶ Крупская Н.К. Педагогические сочинения: В 10 т. М., 1957 - 1963.

⁷ Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М., 1976.

материала, на основе которого приводятся доказательства отдельных теоретических установок⁸.

Кроме исследований, имеющих скорее общетеоретический характер, в 1920-е годы был издан целый комплекс работ специалистов-практиков: историков, социологов, юристов, педагогов, посвященных различным аспектам интересующей нас тематики. Здесь, прежде всего, нужно отметить ряд исследований по социальной политике в целом, как периода НЭПа, так и первых лет существования Советского государства. Это работы А.Н. Винокурова, И.К. Ксенофонтова и др.⁹ В них, в частности, содержатся небольшие разделы по охране материнства и детства, приводится сравнительный материал по организации этого направления государственной политики с 1917 по 1925 гг., обосновываются принципиальные различия подходов к социальному обеспечению населения в период военного коммунизма и новой экономической политики.

В 1920-е годы появляется также большое количество работ, раскрывающих сущность “женского вопроса” в Советской России, достижения и трудности по его разрешению. Часть работ этого направления носит скорее пропагандистский характер, поясняет основные моменты новых советских законов по охране прав женщин (гражданских, трудовых, семейных), необходимость создания сети учреждений по охране материнства и детства, подчеркивает достижения в данной области¹⁰.

Другая часть - собственно исследовательские работы историков, правоведов, социологов, подробно изучающие самые разные аспекты “женского вопроса”¹¹.

Близко к вышеназванной теме примыкает проблема реформы семьи и быта, которая проводилась в 1917 - 1920-е годы и активно рассматривалась в исследовательской литературе того времени. Так, например, в сборнике статей “Семья и брак в прошлом и на-

---

⁸ См. об этом подробнее в параграфе 1.1.

⁹ Винокуров А.Н. Социальное обеспечение трудящихся. М., 1919; Ксенофонтов И.К. Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР. М., 1925; и др.

¹⁰ Лилина Е. Нужна ли работницам и крестьянкам Советская власть? М., 1921; и др.

¹¹ Браун Л. Женский вопрос. Его историческое развитие и его экономическая сторона. М., 1922; Делерт Д. Раскрепощение женского труда. М.; Л., 1926; и др.

стоящем”¹² представлен процесс развития и трансформации института семьи с древнейших времен до современной авторам действительности, а также полуфантастические представления о семье будущего. Наибольшее внимание авторы уделяют критике дореволюционной семьи, подчеркивают необходимость ее реформы или даже уничтожения, замены семьи общественным бытом. Тема быта и положения женщины в семье интересное толкование получила в работах С.Г. Струмилина и П. Кожаного¹³. Исследования этих авторов во многом схожи, они состоят в подсчете времени на выполнение бытовых дел. Приводя самые подробные сравнительные данные о том, сколько часов мужчина и женщина тратят на обычные домашние дела: уход за детьми, одеждой, помещением, приготовление пищи и т.п., авторы делают вывод о закрепощенности женщины бытом и необходимости более рационального для государства использования того времени, которое хозяйка тратит на непроизводительный домашний труд. А это, по их мнению, возможно при переходе к коллективному, общественному быту.

Одним из основных способов освобождения женщины от “домашнего рабства” и “бремени материнства” для занятия производительным трудом считалось создание сети дошкольных учреждений: яслей, детских садов, очагов, площадок и т.п. Этой проблеме уделялось довольно много внимания как на правительственном, так и на исследовательском уровнях. Поскольку для успешного функционирования детских дошкольных учреждений требовались не только хорошие законы, но и соответствующие методические разработки, в 1920-е годы было издано большое количество трудов, посвященных обобщению опыта деятельности детских учреждений различного типа. Эти исследования, содержащие анализ большого фактического материала, для своего времени выполняли также функцию руководств. Часть их посвящалась функционированию какого-либо конкретного учреждения, наиболее удачно организованного и показательного для формирования других учреждений подобного рода. В этом отношении прежде всего нужно от-

---

¹² Семья и брак в прошлом и настоящем. 2-е изд. М., 1925.

¹³ Струмилин С.Г. Рабочий быт в цифрах. М.; Л., 1926; Кожаный П. Работница и быт. М., 1926.

метить работы Е.И. Иорданской и М.Х. Свентицкой¹⁴. Описывая деятельность “своих” детских садов, они предлагают также конкретные методики устройства детских учреждений, предостерегают от возможных технических и педагогических ошибок. Другие исследователи фокусировали внимание на деятельности определенного типа учреждений, например, детских площадок или дошкольных учреждений в деревне, показывали специфические особенности их устройства, ряд педагогических приемов организации детей¹⁵.

Далее следует отметить исследования, посвященные отдельным аспектам дошкольного воспитания: истории дошкольной педагогики; связи детских учреждений с “внешним миром” - школами, предприятиями, общественностью¹⁶. Данные работы позволяют проследить процесс трансформации взглядов авторов на различные проблемы дошкольного воспитания в течение 1917 - 1920-х годов. Этот процесс был во многом связан с изменением политической ситуации в стране. Если в начале наблюдался еще довольно широкий спектр мнений по поводу роли детского сада в жизни семьи и общества, а также отдельных педагогических моментов, в частности, религии, политического воспитания в дошкольном учреждении, то уже к середине и, особенно, к концу 1920-х годов дискуссионные моменты в работах исчезают. Политическая линия партии, ее представления о целях и задачах дошкольного воспитания начинают приниматься как неоспоримая данность, и исследования строятся уже исходя из этого¹⁷.

Кроме детских учреждений открытого типа, к которым относились ясли, детские сады, очаги, площадки, консультации, в послереволюционной России была создана также сеть “закрытых”

---

¹⁴ Иорданская Е.И. Детские сады. Пг., 1920; Свентицкая М.Х. Наш детский сад. М., 1924.

¹⁵ Глаголева Л.В. Площадки как один из видов летних занятий с детьми. Л., 1925; Иофе Л., Шапиро К. Дошкольные площадки в деревне. М., 1926; и др.

¹⁶ Виноградов Н. Очерки по истории идей дошкольного воспитания. М.; Л., 1925; Альмединген-Тумим Н. Дошкольные учреждения и внешний мир. М., 1923; и др.

¹⁷ Харитоновна-Островская Р. Детское коммунистическое движение и дошкольное воспитание. М.; Л., 1926; Бибанова Е.Г. Как готовить из ребенка в возрасте до 3-х лет будущего строителя новой жизни. М.; Л., 1927; и др.

учреждений - детских домов, домов ребенка и др., принципы формирования которых отличались от первой группы учреждений.

В исследованиях 1920-х годов детский дом представлял собой, во-первых, место призрения сирот, брошенных детей. Однако, в отличие от дореволюционных учреждений подобного рода, выполнявших только эту функцию, советский детский дом, по мнению большинства авторов, должен был осуществлять принципы воспитания “нового человека”: готовить новое поколение, любящее и умеющее трудиться, коллективно мыслящее, сильное физически и духовно. Эти цели высказывались, в частности, в работе И.Т. Автухова “Детский дом”¹⁸. Рассматривая самые разные стороны жизни этого учреждения, трудности, ошибки, автор видит решение проблем в усовершенствовании детского дома, введении самоуправления воспитанников, улучшении материального положения, более внимательном подборе кадров и т.п. Сравнивая воспитание в семье и детском доме, И.Т. Автухов делает ставку в пользу последнего. Семья, по его мнению, в скором времени распадется, а хорошо поставленный в отношении научных знаний, искусства детский дом даст “больше возможностей в отношении развития социальных навыков, чем узкий круг семьи, порождающий эгоистов”¹⁹.

Однако материальные и педагогические трудности, имевшие место в функционировании детских домов в первой половине 1920-х годов, привели к некоторому изменению настроений среди исследователей по поводу роли в обществе и будущего этих учреждений. В сборнике статей “Наши детские дома и городки”, вышедшем в 1926 году²⁰, наблюдается уже более реалистичный подход к детским домам, по сравнению с книгой И.Т. Автухова. Эти учреждения воспринимались авторами как необходимое и наиболее действенное для того времени средство социального обеспечения беспризорных детей, детей-сирот, но не как альтернатива семье. На основе анализа конкретного материала предлагались реальные способы улучшения жизни в детских домах.

Большое количество работ данного историографического периода было посвящено изучению явления беспризорности, спосо-

---

¹⁸ Автухов И.Т. Детский дом. М.; Пг., 1923.

¹⁹ Там же. С. 32.

²⁰ Наши детские дома и городки: Сб. статей. М., 1926.

бов борьбы с ним. Так, в исследовании С.В. Позднышева, в сборнике статей “Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью”, авторы не рассматривают детский дом как решение всех проблем, а обосновывают эффективность таких социальных мер борьбы с беспризорностью, как опека, попечительство, передача на воспитание в семьи, устройство на работу, на обучение к кустарям и ремесленникам, предоставление жилья, материальной помощи²¹. Таким образом, говорится не только о ликвидации уже имеющейся беспризорности, но и о способах профилактики этого явления, о выгоде для государства осуществления этих мер.

Во второй половине 1920-х гг. сначала в научной среде, а затем и в политических кругах происходит отказ от термина “морально-дефективные” дети, который употреблялся ранее для несовершеннолетних правонарушителей. Причиной тому послужило более глубокое изучение личности беспризорного, того мира, в котором он живет, причин, толкающих его на преступления. Результаты этих исследований были опубликованы в виде статей в сборнике “На помощь детям”, в монографии Е.С. Лившица “Социальные корни беспризорности”²². Вывод, к которому пришли авторы, состоял в том, что причины, вызывающие противоправные поступки у детей, связаны не с внутренним миром этих детей, а прежде всего с теми социальными условиями, в которых они находятся. Приюты для “морально-дефективных” детей стали заменяться трудовыми коммунами, организованными на совершенно иных принципах и имевшими более весомые результаты, нежели первые учреждения. Опыт деятельности этих учреждений также описывался в ряде работ, опубликованных в 1920-е годы²³.

Подводя итог характеристике первого периода историографии, необходимо подчеркнуть его особое значение для дальнейшей разработки указанной темы. Именно в это время были заложены ос-

---

²¹ Позднышев С.В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. М., 1927; Государство и общественность в борьбе с детской беспризорностью: Сб. статей. М., 1926.

²² На помощь детям: Сб. статей. М., 1926; Лившиц Е.С. Социальные корни беспризорности. М., 1925.

²³ Беспризорные в трудовых коммунах. Практика работы с трудными детьми. М., 1926; Шахуньянц Г., Кротков Ф. К трудовой коммуне! Опыт построения первой Московской трудовой коммуны для беспризорных. М., 1926; и др.

новные направления исследований, многие из которых до последнего времени так и не получили своего развития. В первой половине 1920-х гг. еще не угас дух демократизма, и круг обсуждаемых острых социальных проблем был достаточно широк.

Указанные моменты, а также большой фактический материал, собранный в работах, делают их интересными не только как исследования, но и с источниковой точки зрения. Отрицательная сторона этого периода связана, главным образом, с излишней политизацией, особенно в конце данного десятилетия, а также с отсутствием крупных обобщающих трудов.

Второй историографический период (1930-е годы - середина 1950-х годов) представлял собой полную противоположность первому. Негативные явления, появившиеся еще в 1920-е годы, достигли здесь своего апогея. Схематизм, “показуха”, пропаганда политических идеалов - вот основные характеристики подавляющего большинства работ этого времени.

В начале 1930-х годов еще продолжали выходить исследования, как в виде книг, так и статей, посвященные работе конкретных детских учреждений, принципам их организации и осуществления педагогической деятельности²⁴. Так же, как и в 1920-е годы, для своего времени они выполняли функцию методических пособий и руководств. Данный комплекс исследований представляет собой переходное звено между двумя столь различными историографическими периодами. В названных работах не рассматривается непосредственно интересующий нас период, однако приводятся результаты многих процессов, начатых в 1920-е годы, что является весьма ценным для разработки темы.

Кроме монографий и статей, посвященных изучению непосредственно проводимой в это время социальной политики, в 1930-е годы был издан также ряд работ, рассматривающих недавнее прошлое. Так, в 1932 году вышел сборник, посвященный социальному обеспечению детей²⁵, в 1934 и 1938 годах - исследования

---

²⁴ Израелит И.Б. Какие учреждения нужно организовать для детей от 3-х до 8-и лет. М.; Л., 1930; Цирлина Е. Итоги и перспективы дошкольного похода // Дошкольное воспитание. 1930. № 5; и др.

²⁵ Социальное обеспечение детей: Сб. статей. М.; Л., 1932.

по вопросам охраны материнства и младенчества²⁶. Можно отметить несколько общих монографий по социальной политике в стране, культурному развитию, народному образованию²⁷. Однако, все эти издания трудно назвать в полном смысле научными исследованиями. Это были научно-популярные, пропагандистские работы, которые публиковались, как правило, к определенным датам - пятидесятилетию или двадцатилетию Октября. Хотя они содержали некоторый фактический материал, подчеркивающий достижения в данной области, но приводимая там статистика уже была далека от реальности.

В 1940-е годы непосредственно по рассматриваемой нами теме была издана лишь небольшая книга М.Д. Ковригиной "Забота государства о матери и ребенке" - также крайне малоинформативная и односторонняя²⁸. Более значимые работы Н.А. Константинова, Е.Н. Медынского, З.И. Равкина, вышедшие в это время, были посвящены истории советской школы²⁹. Они не содержат подробного рассмотрения организации и деятельности других детских воспитательно-образовательных учреждений (детских садов, детдомов), но в них есть разделы, посвященные общим вопросам по управлению народным образованием, решению кадровой проблемы.

В целом второй историографический период (1930-е годы - середина 1950-х годов), в связи со сложившейся политической ситуацией в стране, является малозначимым для исследования темы.

С середины 1950-х годов происходит оживление не только в общественной жизни, но и в научной деятельности: расширяется тематика, появляются новые подходы к рассмотрению проблем. Одной из первых работ, вышедших в это время по рассматриваемой нами теме, была монография Э.М. Конюса "Пути развития со-

---

²⁶ Лебедева В.П. Охрана материнства и младенчества в стране Советов. М.; Л., 1934; Охрана материнства и младенчества в Союзе ССР 1918 - 1938. М., 1938.

²⁷ Социальное обеспечение в Советском Союзе. М., 1936; Бушманов А.Ф. Народное образование СССР к пятнадцатой годовщине Октября. М., 1932; и др.

²⁸ Ковригина М.Д. Забота государства о матери и ребенке. М., 1946.

²⁹ Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948; Равкин З.И. Советская школа в годы перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921 - 1925 гг.). М., 1949; и др.

ветской охраны материнства и младенчества (1917 – 1940 гг.)»³⁰. Это, бесспорно, значительное исследование, в котором приводится важный фактический материал, характеризуются этапы осуществления мероприятий в данной области социальной политики. Однако взятый для рассмотрения обширный период не позволяет автору более подробно остановиться на специфике отдельных этапов. Кроме того, в работе наблюдается определенная “лакировка” рассматриваемых процессов.

В 1956 г. была опубликована монография В.Л. Бильшай “Решение женского вопроса в СССР”³¹ - первое обобщающее данную тему исследование. В нем рассмотрено женское движение за первую половину XX века в СССР и положение женщин в капиталистических странах. В работе присутствует также небольшой раздел, посвященный анализу социальных реформ государства по охране материнства и младенчества в 1920-е годы, показана роль женщин в осуществлении этих реформ. Значительное внимание В.Л. Бильшай уделила идеологическим аспектам темы, роли партии в решении “женского вопроса”, противопоставлению положения женщин в нашей стране и в буржуазном мире.

Вслед за работой В.Л. Бильшай, в течение 1960-х - начале 1980-х годов было издано довольно большое количество исследований, рассматривающих сходные проблемы: в 1967 г. - монография С.Т. Любимовой, в 1971 г. - Е.Д. Емельяновой, в 1975 г. - В.С. Белова, в 1978 г. - П.М. Чиркова и др.³² В каждой из них, в числе прочих, рассматриваются и вопросы, связанные с реформой семьи, проводимой в 1917 - 1920-е годы, социальным обеспечением материнства и детства, законодательным оформлением происходивших перемен.

Ценными исследованиями являются работы А.Г. Харчева, посвященные, в основном, проблемам брака и семьи на современном

---

³⁰ Конюс Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917-1940). М., 1954.

³¹ Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. М., 1956.

³² Любимова С.Т. Октябрьская революция и положение женщины в СССР. М., 1967; Емельянова Е.Д. Революция, партия, женщина: Опыт работы Коммунистической партии среди трудящихся женщин (окт. 1917 – 1925 гг.). Смоленск, 1971; Белов В.С. Решение женского вопроса в СССР. М., 1975; Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917 – 1937 гг.). М., 1978; и др.

этапе, но содержащие также исторический материал, который позволяет проследить процесс становления и развития этого института в послереволюционный период³³.

В конце 1970-х - начале 1980-х годов довольно много исследователей занималось разработкой вопросов социальной политики государства. Был издан ряд трудов, обобщивших большой фактический материал³⁴. Но в одних работах, в связи с изучением социальных процессов на большом отрезке времени, интересующий нас период рассматривался слишком бегло, в других - не рассматривались проблемы, связанные с охраной материнства и детства. Среди исследований этого направления следует особо отметить монографию Л.К. Баевой "Социальная политика Октябрьской революции"³⁵, подробно освещающую самые разные аспекты социальной политики и, в том числе, охрану материнства и младенчества, борьбу с голодом среди детей, первые мероприятия по ликвидации детской беспризорности, но только на протяжении 1917 – 1918 гг.

Из работ историко-педагогического направления можно выделить несколько общих монографий, рассматривающих процесс развития народного образования в первые послереволюционные годы и в период НЭПа, кадровые проблемы, формирование системы воспитания³⁶. Основной недостаток названных трудов - это предвзятое отношение к опыту ведущих педагогов 1920-х годов, критика их педагогических разработок.

Таким образом, рассматриваемый **третий историографический период** имеет как достоинства, так и недостатки. К бесспорным достижениям этого времени можно отнести расширение проблематики, источниковой базы, появление обобщающих работ по различным аспектам темы. Но эти достижения часто сводятся на

---

³³ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1964; Он же. Образ жизни, мораль, воспитание. М., 1977; и др.

³⁴ Социальное обеспечение детей в СССР. М., 1979; Социальная политика. М., 1977; Здравомыслов А.Г. Актуальные проблемы социальной политики КПСС. М., 1983; и др.

³⁵ Баева Л.К. Социальная политика Октябрьской революции. М., 1977.

³⁶ Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921 - 1931. М., 1961; Теория и практика воспитания общественной активности учащихся в 1920 - 1930-х годах: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1984; и др.

нет излишней политизированностью работ, односторонними подходами, отсутствием объективного анализа.

Следующий этап исследования проблемы условно начинается с середины 1980-х и продолжается по середину 1990-х годов. Он характеризуется избавлением от партийной конъюнктуры, свойственной многим работам недавнего прошлого. Благодаря наличию более благоприятных условий для творческого осмысления нашей истории, возрос интерес к социальным проблемам, появилась возможность их объективного рассмотрения.

В изучении интересующей нас темы можно выделить несколько направлений. Во-первых, появился ряд общих работ по социальной политике в послереволюционный период³⁷. В них, как правило, не фокусируется внимание именно на времени 1917 – 1920-х гг., но рассматриваются общие закономерности осуществления социальных преобразований в нашей стране, трудности и достижения на данном пути, отдельные аспекты социальной политики.

С другой стороны, в течение данного десятилетия была опубликована масса исследований: монографических, статейных, раскрывающих сущность периода 1920-х годов. После долгих лет однозначных оценок этого времени авторы пытаются разобраться в действительных причинах перехода к НЭПу, его свертывания; оценить глубину проведенных преобразований. Среди них необходимо назвать работу Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова, ряд сборников статей, большое количество отдельных статейных публикаций³⁸. Эта группа исследований позволяет по-иному взглянуть и на вопросы, связанные с социальной политикой в стране в данный период.

Что касается непосредственного изучения социальных процессов в 1917 – 1920-е гг., то таких работ немного. Среди опубликованных исследований по данной теме можно назвать небольшую работу А.В. Гуровой “К вопросу о социальной защите трудящихся

---

³⁷ Некоторые вопросы социальной истории СССР. М., 1991; Социальная политика в России. М., 1992; и др.

³⁸ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992; НЭП. Взгляд со стороны: Сб. статей. М., 1991; НЭП: приобретения и потери. М., 1994; О НЭПе // Родина, 1993. №2; Новиков М. Н. Дискуссии по проблемам НЭПа // Историография, источниковедение отечественной истории. М., 1993; и др.

в условиях НЭП (1921 – 1927 гг.), ряд статей³⁹. В них использованы нетрадиционные подходы к проблемам, вводятся в научный оборот новые источники.

Отдельное направление представляют собой работы, рассматривающие пути решения женского вопроса в послереволюционной России. В отличие от предшествующего историографического периода, обобщающих исследований по этой проблеме не выходило, однако было опубликовано большое количество статей в сборниках, журналах, поднимающих не изученные ранее вопросы⁴⁰. Особо следует отметить статьи русской эмигрантки Т.Н. Осипович “Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов” и “Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай”⁴¹, в которых интересна и сама постановка проблем, и их решение. В этих работах использован важный источниковый материал, связанный с реальным воплощением советских законов о браке и семье в жизнь и их значением. Автор, отмечая их прогрессивность, прежде всего останавливается на негативной роли данных “преждевременных” законов, показывает, что во время обсуждения Кодекса о браке, семье и опекуном праве 1926 г. большая часть населения, прежде всего крестьяне, отнеслась к нему более чем настороженно. По-иному, чем это было принято до последнего времени, Т.Н. Осипович оценивает также роль А.М. Коллонтай в процессе женской эмансипации, причины ее отстранения от реальной власти. Отрицательной стороной этих не-

---

³⁹ Гурова А.В. К вопросу о социальной защите трудящихся в условиях НЭП (1921 – 1927 гг.). Белгород, 1991; Криворучко А.Н. Социальная политика в период НЭПа // Проблемы социальной политики и общественно-политической мысли в России и СССР. М., 1992; Шалугина И.Б. Из истории социального обеспечения в РСФСР в 1920-е годы // Вестник МГУ. Сер. 8. История. М., 1991. № 3; и др.

⁴⁰ Петров-Эннкер Б. Женщины наступают: об истоках женской эмансипации в России // Отечественная история. 1993. № 5; Добротвор М.Н. Октябрьская революция и равноправие женщин // Октябрь 1917 г.: вопросы истории. Нижний Новгород, 1993; Пушкарева Н.Л. Русская женщина в семье и обществе. X – XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5.

⁴¹ Осипович Т.Н. Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов // Общественные науки и современность. 1994. № 1; Она же. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1.

сомненно значимых исследований является, на наш взгляд, чрезмерно негативное отношение автора к изучаемым явлениям.

Несколько значимых работ можно выделить по проблеме семьи и быта. Так же, как и по женскому движению, здесь нет монографических исследований, но заслуживает внимания ряд статей в сборниках и журналах. Это, прежде всего, сборник, вышедший в 1985 году в Волгограде «Борьба партии за социалистический быт (1921 – 1937 гг.)»⁴². Тематика статей, представленных в нем, достаточно разнообразна. Здесь рассматривается материально-бытовое положение рабочих, участие женщин в организации новых форм быта - яслей, детских садов, столовых, прачечных и т.п., деятельность “групп коммунистического быта”, производственные и бытовые коммун рабочей молодежи. Все эти проблемы изучаются на основе анализа большого фактического материала, привлечены не использовавшиеся ранее источники. Из других работ следует выделить статью А.И. Черных, посвященную проблемам семьи и брака в первое десятилетие Советской власти, а также публикацию Т.Г. Кукулите, по-новому оценивающую труды А.Б. Залкинда и, в частности, вопросы полового воспитания, рассматривающиеся в них⁴³.

Отдельную группу составляют работы, исследующие различные аспекты социальной защиты детей. Основными в этой группе являются монография и статьи А.М. Нечаевой, посвященные, главным образом, правовой охране детства в СССР⁴⁴. В них анализируются законы послереволюционного периода по охране материнства и младенчества, борьбе с беспризорностью, организации детских домов, но поскольку автор этих работ не историк, а юрист, то о воплощении данных законов в реальную действительность практически не говорится. Кроме исследований А.М. Нечаевой, можно отметить небольшие статьи Л.А. Жуковой о проблеме сиротства и беспризорности, А.Ю. Горчевой о детских лагерях ОГПУ и НКВД,

---

⁴² Борьба партии за социалистический быт (1921 – 1937 гг.). Волгоград, 1985.

⁴³ Черных А.И. Проблемы семьи и брака в первое десятилетие советской власти // Социалистический идеал: вчера, сегодня, завтра. М., 1992; Кукулите Т.Г. Проблемы полового воспитания в трудах А.Б. Залкинда // Обучение и развитие младших школьников. Магнитогорск, 1992.

⁴⁴ Нечаева А.М. Правовая охрана детства в СССР. М., 1987; Она же. Дети-сироты в России: послеоктябрьский период // Государство и право. 1993. № 1; и др.

В.А. Попова и Г.А. Бордюгова, о борьбе с такими социальными явлениями 1920 – 1930-х годов как алкоголизм, наркомания, нищенство, проституция, бродяжничество, которые были характерны не только для взрослого населения страны, но и для детей⁴⁵.

Большой комплекс исследований в это время был посвящен вопросам воспитания и образования в рассматриваемый нами период. Из общих работ по данной теме следует отметить монографии В.Д. Семенова “Социальная политика: история и современность”⁴⁶ и Г.Б. Корнетова “Становление воспитания как общественного явления”⁴⁷. Кроме общих работ, можно выделить отдельные направления исследований внутри указанной темы. Одним из новых направлений является изучение связи воспитания с политикой. Этой проблеме посвящены, в частности, статьи С.А. Ушакина, М.И. Фишера⁴⁸. Важным для разработки темы является также пересмотр взглядов на сущность и значение педологии, объявленной в 1930-е годы лженаукой. Авторы статей Б. Меньшиков, Ф. Фрадкин, М. Плохова⁴⁹ считают, что причины расправы с педологией были заложены уже в 1920-е годы, когда эта наука слишком близко подошла к политике, выполняя “партийный заказ” на воспитание определенного типа людей.

Рассматриваемый историографический период представляет интерес и как время появления более значительных региональных

---

⁴⁵ Жукова Л.А. Ликвидация детской беспризорности в СССР // Советское здравоохранение. 1985. № 7; Горчева А.Ю. Детские лагеря ОГПУ и НКВД и пресса // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 1993. № 4; Попов В.А. Борьба с наркоманией и токсикоманией детей и подростков в 1920 – 1930-е годы // Советское здравоохранение. М., 1989. № 5; Бордюгов Г.А. Социальный паразитизм или социальные аномалии? // История СССР. М., 1989. № 1.

⁴⁶ Семенов В.Д. Социальная педагогика: история и современность. Екатеринбург, 1995.

⁴⁷ Корнетов Г.Б. Становление воспитания как общественного явления. М., 1992.

⁴⁸ Ушакин С.А. Образование как форма власти // Полис. 1993. № 5; Фишер М.И. Образование в России: философия, идеология, политика // Педагогика. 1994. № 6.

⁴⁹ Меньшиков Б. Приговор... себе: (О разгроме педологии, как лженауки в 1930-е годы) // Народное образование. 1991. №8; Фрадкин Ф., Плохова М. История расправы с педологией // Воспитание школьников. 1991. № 6; и др.

разработок по проблеме социальной политики послереволюционной России⁵⁰.

В целом данный этап (середина 1980-х – середина 1990-х гг.) можно считать весьма плодотворным временем в изучении названной темы и близких к ней проблем в плане появления новых концептуальных подходов, новых направлений исследований и возрождения ряда направлений, начатых в 1920-е годы. В этот период было издано мало крупных монографических исследований, но статейные публикации были значительными, как по своему количеству, так и по сути. В качестве недостатков данного этапа можно назвать сохранение в ряде работ старых догматических взглядов или, напротив, слишком резкое отрицание не только ошибок, но и достижений прошлого.

С середины 1990-х годов начинается **современный историографический период**. Основанием для его обособления является выход в свет действительно принципиально новых работ по социальной проблематике. Почва для их появления уже была подготовлена ранее. Как отмечалось выше, в период с середины 1950-х по середину 1980-х гг. было издано довольно много обобщающих исследований, но подавляющее большинство из них являлось однобокими, необъективными, слишком многие темы оставались запретными. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. расширяется проблематика, источниковая база, формируются новые подходы к изучаемым темам, но основная часть этих разработок не выходит за рамки статей. Новый качественный сдвиг произошел во второй половине 1990-х гг.: стали появляться крупные монографические исследования, избавленные при этом от негативных особенностей работ предшествующих периодов – без идеологизации рассматриваемых процессов, без односторонних оценок и подходов, без гиперкритицизма – то есть на качественно новом уровне.

---

⁵⁰ Проблемы социального развития советского общества. Иваново, 1992; Салова Ю.Г. Дошкольное воспитание в Ярославле в 1920-е годы // “Минувших дней связующая нить”. Ярославль, 1995; Шильников А.С. Развитие системы охраны женского труда в 1921 – 1925 гг. // Борьба Коммунистической партии и советского правительства за восстановление народного хозяйства в 1921 - 1925 гг. Ярославль, 1986; и др.

Применительно к данному историографическому этапу также следует выделить несколько направлений изучения. Из всего спектра социальных проблем послереволюционного периода наибольший интерес у исследователей вызывают сегодня темы, связанные с российской повседневностью, бытом населения, социальными аномалиями. К числу таких исследований следует прежде всего отнести работы Н.Б. Лебиной. В середине 1990-х гг. был опубликован целый ряд статей Н.Б. Лебиной о преступности, пьянстве, самоубийствах и других социальных аномалиях советского общества⁵¹, а в 1999 году вышла в свет ее монография “Повседневная жизнь советского города. 1920 – 1930-е гг.”, которая обобщила предыдущие разработки автора⁵². Следует отметить также работы Н.Б. Лебиной в соавторстве с М.В. Шкаровским и А.Н. Чистиковым, посвященные той же проблематике⁵³. Кроме названных, данное направление исследований представлено работами и других авторов - В.И. Мусаева, Б.Н. Миронова, С.А. Павлюченкова и др.⁵⁴ Они рассматривают степень распространения различных социальных аномалий в послереволюционном обществе, отношение к ним со стороны власти, способы их ликвидации. В работах подчеркивается, что государственные деятели оценивали данные явления с классовых позиций, надеялись на скорое их исчезновение, как пережитков старого строя.

В целом комплексе работ изучается история советского быта. Поднимаются вопросы питания, здоровья населения, рассматрива-

---

⁵¹ Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 1920 – 1930-х гг. // Вопросы истории. 1994. №2; Она же. “Ленька Пантелеев – сыщиков гроза...”: Преступность в советском обществе в 1920 – 1930-х гг. // Родина. 1995. № 1; Она же. “Папа, отдай маме деньги...” (О пьянстве в 1920 – 1930-е гг.) // Родина. 1996. № 12.

⁵² Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города. 1920 – 1930-е гг. СПб., 1999.

⁵³ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. - 40-е гг. XX в.). СПб., 1994; Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003.

⁵⁴ Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917 – 1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001; Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – нач. XX вв. // Отечественная история. 1998. №1; Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; и др.

ются попытки реформирования бытовой жизни людей, особенности быта различных социальных групп⁵⁵.

Истории повседневности послереволюционного периода посвящены также тематические сборники статей: “Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль” и “Нормы и ценности повседневной жизни 1920 – 1930-х гг. Становление социалистического образа жизни в России”⁵⁶. Авторы статей – Н.Б. Лебина, С.А. Павлюченков, Н.А. Рогалина, В.Л. Телицин, А.Н. Зориков, В.В. Канищев и др. исследуют самые разные стороны жизни людей на протяжении 1917 – 1930-х гг.: криминогенную обстановку, особенности жизни, а точнее, выживания людей в период “военного коммунизма”, “женский вопрос” в контексте революционных событий, отношение власти и населения к азартным играм, потреблению алкогольных напитков, проституции.

В данный историографический период было опубликовано немало работ, в которых рассматривались социальные проблемы на протяжении более раннего или более позднего времени, сравнительно с интересующим нас периодом 1917 – 1920-х гг. Поскольку они лишь косвенно связаны с темой нашего исследования, назовем только самые значительные из них. Это, прежде всего, двухтомный труд Б.Н. Миронова “Социальная история России периода империи”⁵⁷. Несмотря на то, что данное исследование посвящено, главным образом, российской истории периода империи, в заключении к работе, а также в приложении (в виде таблиц) приводится ценная информация о социальных процессах, происходивших в советский период.

К числу лучших работ, вышедших в последнее время, несомненно, относятся монографии Е.А. Осокиной, рассматривающие

---

⁵⁵ Миронов Б.Н. “Сыт конь – богатырь, голоден – сирота”: питание, здоровье и рост населения России во второй пол. XIX – нач. XX вв. // Отечественная история. 2002. № 2; Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2001; Бухараев В.М., Аккуратов Б.С. От неприятия скопидомства до борьбы с “контрреволюцией быта” // Отечественная история. 2002. № 1.

⁵⁶ Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Нормы и ценности повседневной жизни 1920 – 1930-х гг. Становление социалистического образа жизни в России. СПб., 2000.

⁵⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: В 2 т. СПб., 2000.

социальные проблемы жизни людей в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.⁵⁸ Социальным реалиям более позднего – послевоенного периода – посвящена обобщающая работа Е.Ю. Зубковой “Послевоенное общество: политика и повседневность 1945 – 1953 гг.”⁵⁹. Авторы исследуют наименее изученные вопросы, связанные с состоянием общества: ожиданиями и реальностью; решением проблемы снабжения населения, ликвидацией преступности и др. Российская повседневность вписана в канву важнейших политических и экономических событий, происходивших в нашей стране.

Возвращаясь к работам по рассматриваемому периоду 1917 – 1920-х гг., следует отметить целый ряд новых исследований, посвященных так называемой “женской теме”⁶⁰. В них продолжается изучение проблем женской эмансипации в послереволюционной России, принципов преобразования семьи, морали, способов привлечения женщин к активной общественной и производственной деятельности. Следует также отметить, что “женская тема” в последнее время стала уступать свое место более перспективному направлению – гендерным исследованиям. Это направление прошло длительный путь становления в западноевропейской науке, а теперь привлекает все большее внимание российских исследователей. Первые научные работы в ключе гендерной истории публикуются в виде статей, главным образом, в новом периодическом издании – ежегоднике “Социальная история”⁶¹.

Появление самого ежегодника также является примечательным. Оно свидетельствует о популярности исследований по социальной проблематике, быстром росте их числа. На страницах еже-

---

⁵⁸ Осокина Е.А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928 – 1935 гг. М., 1993; Она же. За фасадом “сталинского изобилия”: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 – 1941 гг. М., 1998.

⁵⁹ Зубкова Е.Ю. Послевоенное общество: политика и повседневность 1945 – 1953 гг. М., 2000.

⁶⁰ Киселева Т.Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: опыт исторического анализа. М., 1995; Окорочкова Т.С. Женский труд в промышленности СССР в годы НЭПа // Социологические исследования. 1999. № 9; Кулик В.Н. Российские женщины в 1917 г. // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Марков А. Был ли секс при советской власти? // Родина. 1995. № 9; и др.

⁶¹ Социальная история. Женская и гендерная история. Ежегодник. 2003. М., 2003; и др.

годника публикуются статьи по самым разным аспектам и периодам: конкретно-исторические сюжеты, разработки по методологии, историографии, источниковедению⁶². Авторы статей анализируют сами понятия “социальная история”, “гендерная история”, “история повседневности”, говорят об объектах и методах их изучения.

Дальнейшее развитие в последний историографический период получила и тема социальной защиты детей. В этом отношении следует отметить ряд исследовательских статей⁶³. Наиболее яркой из них является работа А. Рожкова, посвященная проблемам детской беспризорности, преступности, функционирования детских домов. Множество деталей, примеров, делает работу, несомненно, интересной. Однако необходимо подчеркнуть односторонность изложения материала в данной статье. Позиция автора характерна скорее для периода конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда “белые пятна” истории закрашивались преимущественно в черный цвет.

В это время публикуется также много серьезных исследований, рассматривающих решение социальных вопросов на примере отдельного города, региона. В них анализируются не только особенности проводимых социальных реформ, но и специфика места их проведения⁶⁴. Из числа таких работ необходимо выделить коллективную монографию “Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны”⁶⁵. В ней изучаются самые разные культурные и социальные проблемы первого по-

---

⁶² Бухараев В.М. Провинциальный обыватель в кон. XIX – нач. XX вв.: между старым и новым // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000; Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999; и др.

⁶³ Гуськова Н.С. К вопросу о возникновении воспитательных учреждений для детей-сирот в России // Социальный педагог: подготовка и деятельность. Челябинск, 1994; Кобелева В.Г., Тетерина Т.Д. Исторический обзор проблемы сиротства в России // Теория и практика социальной работы. Актуальные проблемы социального сиротства. Пермь, 1995; Ольман С. Трава, примятая сапогами // Вестник благотворительности. 1994. №3, 4; Рожков А. Беспризорники // Родина. 1997. № 9; и др.

⁶⁴ Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М., 2001; Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000; Горинов Н.М. Москва в двадцатых годах // Отечественная история. 1996. № 5; и др.

⁶⁵ Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000.

слереволюционного времени – проведение в жизнь плана “монументальной пропаганды”, отношение к религии, изменение праздников, быт населения. Работа изобилует интересными, неизвестными ранее фактами, подробностями.

Применительно к Ярославскому региону, можно отметить появление новых обобщающих работ по истории края с древнейших времен до наших дней⁶⁶. Что касается социальной проблематики интересующего нас периода, то она рассматривается преимущественно в работах А.С. Шильникова, посвященных женскому движению⁶⁷, а также Ю.Г. Саловой, в которых показаны процессы разработки новых воспитательных теорий в Советской России в 1920-е годы, осуществления политического воспитания в школьных и дошкольных учреждениях, организации детского досуга⁶⁸.

Таким образом, последний историографический период является очень важным для изучения поставленных вопросов. Социальная история впервые обособилась в отдельное научное направление и стала носить самостоятельный, а не вспомогательный характер. Расширение тематики, источниковой базы, появление крупных обобщающих работ, объективность изложения – все это несомненные достижения современных исследователей.

Подытоживая историографический обзор в целом, хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на значительное количество работ, посвященных тем или иным сюжетам по социальной проблематике советского периода, остается еще очень много практически не исследованных тем. Сравнивая уровни разработки политической, экономической и социальной истории России, можно без преувеличения сказать, что в отношении социальной истории мы стоим лишь в самом начале пути, который еще предстоит пройти.

---

⁶⁶ История Ярославля с древнейших времен до наших дней. (Автор текста – А.Р. Хаиров). М. 1999; История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX в. / Под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 2000.

⁶⁷ Шильников А.С. Начало деятельности женотделов в Ярославском крае. (К 80-летию создания отделов партийных комитетов по работе среди женщин) // Женщины в политике и управлении: история и современность. Иваново, 1999; и др.

⁶⁸ Салова Ю.Г. “Новый человек”: взгляд на проблему в 1920-е годы. Ярославль, 1998; Она же. Детский досуг в Советской России (1920-е годы). Ярославль, 2000; Она же. Политическое воспитание детей в Советской России в 1920-е годы. Ярославль, 2001; и др.

Задачей данного учебного пособия является исследование ряда аспектов социальной политики советского правительства на протяжении окт. 1917 – 1920-х гг. в двух плоскостях: на уровне теоретической разработки и законодательного закрепления. Будут анализироваться теоретические программы основоположников марксизма, а также российских государственных деятелей – В.И. Ленина, А.М. Коллонтай, С.И. Каплуна, Е.И. Ярославского, Н.К. Крупской, А.В. Луначарского и др. по проблемам реформы семьи, быта, женской эмансипации, воспитания “нового человека”, отношение к ним в обществе. В области законодательной деятельности будет рассматриваться семейное право (Кодексы о браке, семье и опекуном праве 1918 и 1926 гг. – их основное содержание и значение), трудовое право (охрана женского труда в первые послереволюционные годы и в период НЭПа), правовые положения 1917 – 1929 гг. по охране детства (законодательные основы создания и деятельности государственных организаций для оказания помощи детям, правовые акты, регулирующие процессы формирования сети детских учреждений, ликвидации детской беспризорности и преступности); будут оцениваться первые результаты осуществления правовых реформ.

Глава 1. Теоретические основы социальной политики Советской России

1.1. Марксистские теории решения “женского вопроса”

(К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Бебель, В.И. Ленин)

Обращение к марксистским теориям на сегодняшний день является крайне непопулярным среди исследователей. Это вполне объяснимо, если учесть, что слишком долгое время данные теории применялись, где нужно и где не нужно. Ни одно историческое исследование советского времени, особенно если оно было посвящено отечественной истории, не обходилось без обращения к взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса. Для того, чтобы работа была опубликована, обязательным было соблюдение вполне конкретной атрибутики.

Современные исследователи избавлены от идеологического пресса, однако стала наблюдаться другая крайность. Марксизм перешел в разряд “опальных теорий”, рассмотрение которых воспринимается негативно. В связи с этим, хотелось бы подчеркнуть, что как бы мы ни относились сегодня к этим теориям, но именно они были положены в основу государственной политики, проводимой в Советской России. Поэтому, в данном случае, обращение к ним не дань ушедшей уже традиции, а необходимость.

Разработка социальной политики в послереволюционной России базировалась на широкой теоретической основе. Эту основу составляли не только программные установки непосредственно российских марксистов, но и теории других представителей международного социал-демократического движения. Важнейшими в этом ряду были, безусловно, взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса. В созданной ими теории будущего коммунистического общества довольно много внимания уделялось проблеме социальной политики, а также отдельному ее направлению - государственной охране материнства и детства. Последний аспект рассматривался ими в тесной связи с так называемым “женским вопросом” - историей его возникновения, сущностью, способами решения. Среди работ, в которых затрагиваются данные проблемы, следует выделить прежде всего “Про-

исхождение семьи, частной собственности и государства” Ф. Энгельса и “Капитал” К. Маркса¹; кроме них - совместные труды: “Немецкая идеология”, “Манифест Коммунистической партии”²; работы К. Маркса: “Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам”, “Критика Готской программы”, “Экономическо-философские рукописи 1844 г.”³; Ф. Энгельса: “Положение рабочего класса в Англии”, “Принципы коммунизма”, “Описание коммунистических колоний”, письма Гертруде Гильом-Шак, Каутскому⁴ и др.

Главная причина неравноправного положения женщины, по мысли основателей марксизма, была заложена в возникновении частной собственности, единобрачной семьи, а также в отстранении женщины от общественно-полезного труда. В раннем первобытном обществе, писал Ф. Энгельс, ведение домашнего хозяйства, охватывавшего много брачных пар, было столь же необходимым для общества родом деятельности, как и добывание мужчинами средств пропитания. С возникновением же патриархальной семьи и еще более - моногамной индивидуальной семьи, положение изменилось. “Ведение домашнего хозяйства утратило свой общественный характер. Оно перестало касаться общества. Оно стало частным занятием; жена сделалась главной служанкой, была устранена от участия в общественном производстве”⁵. Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; “женщина участвовала в потребе-

---

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21; Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3; Они же. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4.

³ Маркс К. Инструкция делегатам Временного Центрального совета по отдельным вопросам // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16; Он же. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения Т. 19; Он же. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42.

⁴ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2; Он же. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4; Он же. Описание коммунистических колоний // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42; Он же. Письмо Гертруде Гильом-Шак // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36; Он же. Письмо Каутскому // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 38; и др.

⁵ Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 76.

нии его, но не имела доли в собственности”, что делало “неизбежным господство мужчины в доме”⁶. Постепенно угнетенное положение женщины в обществе и в семье было закреплено и законодательно. Все эти процессы, с одной стороны, открыли новую эпоху в развитии цивилизации, но с другой, как считали К. Маркс и Ф. Энгельс, положили начало первой форме угнетения человека человеком - рабству женщины.

Особую остроту женский вопрос получил в период капитализма, когда женщина стала активно втягиваться в общественное производство и ее труд, как и труд мужчины, приобрел большую общественную значимость. “Выбрасывая всех членов рабочей семьи на рынок труда, машины распределяют стоимость рабочей силы мужчины между всеми членами его семьи. Поэтому они понижают стоимость его рабочей силы... Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он располагал как формально свободная личность. Теперь он продает жену и детей”⁷. Имевшие, как правило, низкую квалификацию, образовательный уровень женщины привлекались к тяжелому, но мало оплачиваемому труду. Кроме того, отсутствовали необходимые социальные меры по охране женского труда, по социальной защите материнства и младенчества. “Женщины возвращаются на фабрику часто уже через три-четыре дня после родов, оставив, конечно, грудного ребенка дома”⁸, - писал Ф. Энгельс в работе “Положение рабочего класса в Англии”. “Безнадзорность, на которую ребенок часто бывает обречен, когда отец и мать оба работают... очень скоро дает себя знать..., например, в Манчестере... свыше 57% детей рабочих умирает не достигнув пяти лет”⁹. Это не говоря уже об ущербе для здоровья самой женщины, работавшей по 10 - 13 ч. в сутки, в том числе на вредных производствах, в ночные смены; о снижении ее способности производить на свет здоровое потомство.

Однако, несмотря на все названные отрицательные стороны производительного труда женщины, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали также его прогрессивность. По их мнению, освобожде-

---

⁶ Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 162.

⁷ Там же. Т. 23. С. 407.

⁸ Там же. Т. 2. С. 374.

⁹ Там же. Т. 2. С. 341.

ние женщины, ее уравнивание в правах с мужчиной невозможно, пока она отстранена от общественного труда и ограничивается лишь домашней работой. Но при этом необходима охрана женского труда, забота о материнстве и младенчестве. “Женщины совсем не должны допускаться к какой бы то ни было ночной работе, а также ко всем видам труда, опасным для более хрупкого женского организма”¹⁰, - писал К. Маркс.

Некоторая экономическая самостоятельность женщины, связанная с ее трудом на предприятии, входила в противоречие с тем угнетенным положением, которое она занимала как в обществе, так и в семье. Домашние дела, по-прежнему лежавшие, главным образом, на плечах женщины, создавали своеобразную дилемму: если женщина выполняет свои обязанности дома, в семье, то, как писал Ф. Энгельс, “она остается исключенной из общественного производства и ничего не может зарабатывать, а если она хочет участвовать в общественном труде и иметь самостоятельный заработок, то она не в состоянии выполнять свои семейные обязанности”¹¹. Поэтому, по его мнению, работа женщины на предприятиях неизбежно разрушает современную семью и имеет самые деморализующие последствия, как для супругов, так и для детей. Мать, у которой нет времени заботиться о своем ребенке, которой даже редко удастся видеть своего ребенка - не может быть ему хорошей матерью. С другой стороны, дети, выросшие в таких условиях, “позже оказываются совершенно потерянными для семьи, никогда не почувствуют себя дома в той семье, которой впоследствии обзаведутся, поскольку слишком привыкли к жизни в одиночку”¹². “Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, - писал К. Маркс, - тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам... создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношений между полами”¹³.

---

¹⁰ Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16. С. 197.

¹¹ Там же. Т. 21. С. 76.

¹² Там же. Т. 2. С. 375.

¹³ Там же. Т. 23. С. 500.

Равноправие мужчины и женщины в обществе и семье, по мнению теоретиков марксизма, возможно только тогда, когда семья перестанет быть хозяйственной единицей общества, когда частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда, а уход за детьми и их воспитание станут общественным делом. А это, в свою очередь, осуществимо лишь при условии перехода средств производства в общественную собственность¹⁴. Только в этом случае будет ликвидирован и “результат экономического угнетения женщины” - правовое неравенство полов. Какие-либо половинчатые меры, принимаемые правительством в условиях существующего строя: по охране женского труда или незначительному изменению законодательства в пользу женщины, не могут привести к реальному равноправию полов.

Исходя из этого, К. Маркс и Ф. Энгельс отрицательно относились к феминизму, который, во-первых, был обособленным женским движением, а во-вторых, представлял собой борьбу за права женщин при сохранении основ капиталистического строя, а значит, и привилегий женщин господствующих классов. “Английские поборницы формального права женщин на то, чтобы капиталисты эксплуатировали их так же основательно, как и мужчин, большей частью сами прямо или косвенно заинтересованы в капиталистической эксплуатации трудящихся обоего пола. Действительное же равноправие женщины и мужчины может осуществляться лишь тогда, когда будет уничтожена эксплуатация капиталом и тех, и других”¹⁵.

Таким образом, в качестве этапов освобождения женщины К. Маркс и Ф. Энгельс называли следующие: отмену частной собственности на средства производства; вовлечение женщины в общественно полезный труд при условии охраны труда, заботы о материнстве и младенчестве; превращение домашнего хозяйства в отрасль общественного производства.

С изменением роли женщины в обществе - в экономической, политической его жизни, должна произойти, по их мнению, и трансформация внутрисемейных отношений, моральных установок. “На чем основана современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе, - писали К. Маркс и Ф. Энгельс в “Манифе-

---

¹⁴ Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 77-78.

¹⁵ Там же. Т. 36. С. 293.

сте Коммунистической партии”, - в совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции”¹⁶. По мнению авторов, при капитализме происходит разложение не только пролетарской семьи, о котором уже говорилось выше, но и буржуазной. Господствующий класс не в меньшей степени подвластен определенным экономическим влияниям, и поэтому лишь в исключительных случаях в его среде бывают действительно свободно заключенные браки. “Полная свобода при заключении браков может стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранил все побочные, экономические соображения”, оказывающие столь значительное влияние на вступление в брак¹⁷. К. Маркс указывал, что существует также грубая трактовка коммунизма, согласно которой браку, который действительно является некоторой формой частной собственности, “противопоставляется общность жен, где, следовательно, женщина становится общественной и всеобщей собственностью”¹⁸. Однако подобные взгляды, по его мнению, на деле означают переход ко всеобщей проституции, отрицанию личности человека. В качестве ответа буржуазии, которая “хором кричит, будто коммунисты хотят ввести общность жен”, К. Маркс и Ф. Энгельс в “Манифесте Коммунистической партии” пишут следующее: “Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства будут предоставлены в общее пользование и, конечно, не может отрешиться от мысли, что и женщин постигнет та же участь. Он даже и не подозревает, что речь идет как раз об устранении такого положения женщины, когда она является простым орудием производства”¹⁹.

Еще одним важным средством раскрепощения женщины К. Маркс и Ф. Энгельс считали осуществление воспитания всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и за государственный счет.

---

¹⁶ Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 443.

¹⁷ Там же. Т. 21. С. 84.

¹⁸ Там же. Т. 42. С. 114.

¹⁹ Там же. Т. 4. С. 444.

Подобным образом поставленное воспитание не только освободило бы женщину, но и помогло бы самим детям расти здоровыми, гармонично развитыми, образованными. Положительная роль семьи в воспитании ребенка в современном обществе, по их мнению, практически сводилась на нет. “Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты”²⁰.

Кроме того, в своих трудах К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали необходимость правовой защиты детей и подростков и, в частности, обеспечения равных прав брачных и внебрачных детей, одинаковой заботы о них со стороны государства. Этот момент, по их мнению, будет определяющим в процессе изменения моральных установок на взаимоотношения мужчины и женщины. “Благодаря этому отпадет беспокойство о “последствиях”, которое в настоящее время составляет самый существенный общественный момент - моральный и экономический - мешающий девушке не задумываясь отдаться любимому мужчине”²¹. Причем, как утверждали теоретики марксизма, какого-либо послабления нравов или уничтожения семьи не произойдет, более того, равноправие женщины, в том числе в выборе партнера, будет в бесконечно большей степени способствовать действительной моногамии мужчин, чем полиандрии женщин”²².

Таким образом, благодаря устранению частной собственности и общественному воспитанию детей, как писал Ф. Энгельс, будут уничтожены обе основы современного брака: зависимость жены от мужа и детей от родителей. Кроме того, вместе с частной собственностью исчезнет и основанная на ней проституция. Что касается отношения коммунистического государства к семье, то Ф. Энгельс в работе “Принципы коммунизма” представлял его следующим образом: “Отношения полов станут исключительно частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и

---

²⁰ Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 443.

²¹ Там же. Т. 21. С. 78.

²² Там же. Т. 21. С. 84.

в которое обществу нет нужды вмешиваться”²³. Однако в другой работе - “Проект коммунистического символа веры” Ф. Энгельс все-таки предполагал определенную степень вмешательства в дела семьи со стороны государства: “В личные отношения между мужем и женой, как в дела семьи вообще, мы будем вмешиваться лишь в той мере, в какой сохранение существующих форм стало бы препятствовать новому общественному строю”²⁴.

Весьма показательно отношение Ф. Энгельса и к коммунистическим колониям. Опыт таких колоний он считал положительным и ценным. В частности, в работе “Описание коммунистических колоний”, он рассматривал несколько подобных примеров. Один из них - коммунистическая колония “Гармония” в Англии. Члены ее, по описанию Энгельса, живут вместе в большом доме, где у каждого есть своя отдельная спальня, устроенная удобнейшим образом. Домашнее хозяйство ведется сообща частью женщин, в результате чего экономится много времени и труда, которые обычно затрачиваются при ведении нескольких маленьких хозяйств. Сама кухня была прекрасно оборудована, возле нее располагались удобные прачечные, ваннные комнаты, погреба. “Детей отдают в школу, связанную с предприятием, и они воспитываются там за общественный счет. Родители могут видеть их, когда хотят, а воспитание рассчитано на физическое и духовное развитие, и жизнь в коллективе”²⁵. Мотивы, объединяющие колонистов, чаще всего были религиозными, но, несмотря на это, Ф. Энгельс считал эти колонии яркими образцами преимуществ коллективного быта перед индивидуальным. В другой своей работе - “Принципы коммунизма”, говоря о построении нового общества, он также рекомендовал “сооружение больших дворцов в национальных владениях в качестве общих жилищ для коммун граждан”²⁶.

В целом комплекс трудов К. Маркса и Ф. Энгельса заложил теоретические основы решения “женского вопроса”, социального обеспечения материнства и детства. Необходимым условием для осуществления этих программ являлось революционное преобра-

---

²³ Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 337.

²⁴ Там же. Т. 42. С. 354.

²⁵ Там же. Т. 42. С. 223-224.

²⁶ Там же. Т. 4. С. 333.

зование современного им капиталистического общества.

Среди других представителей социал-демократического движения, затрагивавших в своих работах подобные вопросы, следует выделить **А. Бебеля**. Главным образом, в исследовании “Женщина и социализм”²⁷, построенном на богатом фактическом материале, он рассматривал проблемы женского труда в капиталистическом обществе, указывая на необходимость его охраны, социального обеспечения младенчества, освобождения женщины от непроизводительного домашнего хозяйства.

А. Бебель, так же как К. Маркс и Ф. Энгельс, писал о разложении современного института брака и семьи: “...брак развращается и разрушается в той же степени, в какой обостряется борьба за существование, и брак становится денежной сделкой”²⁸. И хотя данное утверждение автор относил скорее к господствующим классам, но и в среде пролетариата, крестьянства, по его мнению, не было недостатка в причинах, мешавших нормальному функционированию семьи. Большое число детей, работа обоих родителей, постоянные материальные трудности, рутинный быт особенно тяжело отражались на женщинах и детях. Первые испытывали двойной гнет - работая на производстве и дома; вторые часто росли без должного внимания и ухода, не говоря уже о воспитании и образовании.

Исходя из сложившейся ситуации, а также “естественной природы детей” А. Бебель делал ставку на общественное воспитание. “Всякий, наблюдавший детей, - писал он, - знает, что они легче всего воспитываются в детском обществе; общительность и подражательный инстинкт у них сильно развиты. Эту особенность можно с успехом использовать в целях воспитания”²⁹. Задачей детских общественных учреждений должно, по его мнению, являться воспитание “здоровых, закаленных в физическом и духовном отношениях, нормально развитых людей”³⁰.

Что касается домашнего быта, то А. Бебель считал, что раскрепощение женщины в этом плане возможно уже в условиях капиталистического строя при помощи механизации труда, использова-

---

²⁷ Бебель А. Женщина и социализм. М.; Пг., 1923.

²⁸ Там же. С. 148.

²⁹ Там же. С. 427.

³⁰ Там же. С. 427.

нии достижений науки и техники, которые значительно облегчают бытовое обслуживание. В Соединенных Штатах и некоторых европейских городах, в Цюрихе, например, писал он, существуют уже дома, устроенные “со всевозможным комфортом”, в которых живут многочисленные зажиточные семьи. Другим это пока еще дорого, но технический прогресс идет вперед и, спустя время, его достижения станут более доступными. “Революционное преобразование, которое в корне изменяет все жизненные отношения и, в особенности, положение женщин, уже свершается, таким образом, на наших глазах. И это лишь вопрос времени, когда общество возьмет в свои руки это преобразование в широких размерах, ускорив и обобщив процесс изменения, а вместе с тем, предоставив всем без исключения принять участие в его бесчисленных и многообразных выгодах”³¹. Следует отметить, что последнее утверждение А. Бебеля, несмотря на его жизненность и последующую проверку временем, очень часто рассматривалось современниками-социалистами и, особенно, в более поздней советской литературе, как отход от последовательной революционно-классовой позиции.

Однако в целом А. Бебель, как и его “духовные наставники” К. Маркс и Ф. Энгельс, считал, что полное равноправие женщины, а также справедливое социальное обеспечение возможно только в социалистическом обществе. “Женщина в новом обществе социально и экономически совершенно независима, она не знает над собой даже тени господства и эксплуатации, она стоит по отношению к мужчине, как свободная, равная, она сама госпожа своей судьбы”³².

У большинства российских социал-демократов в теоретическом плане было еще меньше расхождений с классиками марксизма, нежели у А. Бебеля. Однако их взгляды представляют большую ценность и интерес в связи с попыткой их реального воплощения в действительность Советской России. При этом прослеживается развитие многих теоретических установок, определенная трансформация взглядов, взаимовлияние теории и практики.

Основным идеологом революционных преобразований в России был, конечно, **В.И. Ленин**. “Женский вопрос” в его понимании представлял собой неотъемлемую часть социального, рабочего во-

---

³¹ Бебель А. Женщина и социализм.. С. 351 - 352.

³² Там же. С. 448.

проса, пути решения которых были связаны с революционной борьбой пролетариата. По мнению В.И. Ленина, это была часть вопроса о резервах и движущих силах пролетарской революции, об условиях ее победы, о построении нового коммунистического общества. Он подчеркивал, что нет ни особого “женского вопроса”, ни особого женского движения, оторванного от общепролетарского движения, от классовой борьбы пролетариата. “Не может быть социалистического переворота, - писал он, - если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия”³³.

В.И. Ленин отмечал, что, несмотря на тысячелетнюю историю угнетения женщины, лишь капитализм, поставивший трудящихся в положение нищеты и наемного рабства, а женщину - в положение двойного рабства, породил “женский вопрос”. Его сущность составляют проблемы равноправия женщины по отношению к мужчине в политической, социально-экономической, семейной жизни, а также проблемы государственной охраны материнства и детства. Названные вопросы он рассматривал в целом ряде своих трудов. Полностью этим проблемам он посвятил следующие работы: “О задачах женского рабочего движения в Советской республике”, “Советская власть и положение женщины”, “К международному дню работниц”, “Проект постановления СНК о детских домах”, “О суде над несовершеннолетними” и др.³⁴, ряд писем³⁵; частично данные вопросы поднимались в работах “Развитие капитализма в России”, “Великий почин”, “Рабочий класс и неомальтузианство” и др.³⁶,

---

³³ Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 185.

³⁴ Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39; Он же. Советская власть и положение женщины // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39; Он же. К женщинам-работницам // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40; Он же. К международному дню работниц // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40; Он же. Проект СНК о детских домах // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54; Он же. О суде над несовершеннолетними // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40; и др.

³⁵ Ленин В.И. Письмо И.Ф. Арманд // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49; Он же. Письмо А.Д. Цюрупе // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19; и др.

³⁶ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3; Он же. Великий почин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39; Он же. Рабочий класс и неомальтузианство // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23; и др.

в проектах программ РСДРП³⁷.

В указанных трудах В.И. Ленин наметил пути решения “женского вопроса”, показал определенные достижения и трудности в этой области в первые годы Советской власти, определил новые задачи. В отличие от А. Бебеля, он считал, что технический прогресс становится фактором улучшения условий жизни трудящихся только при социалистическом строе, где средства производства являются достоянием всего общества, а при капитализме он служит лишь обогащению буржуазии. Поэтому без свершения пролетарской революции, вне построения социалистического общества В.И. Ленин не мыслил решения “женского вопроса”. Далее он выстраивал следующую цепочку: во-первых, отмена старых законов, “которые ставили женщину в положение неравноправное по отношению к мужчине” и создание новых - это дело первых месяцев после революции³⁸. Однако “равенство по закону - не есть равенство в жизни”³⁹. Поэтому женское рабочее движение главной своей задачей должно ставить “борьбу за экономическое и социальное равенство женщины, а не только формальное”⁴⁰. Эта задача, как считал В.И. Ленин, более трудная и длительная. Для ее решения необходима замена частной собственности общественной. “Второй и главный шаг - отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного и действительного освобождения женщины”⁴¹.

Следующий этап - максимальное вовлечение женщины в общественное производство. Этот процесс был начат еще при капитализме. И несмотря на многие отрицательные его последствия, он, по мнению В.И. Ленина, разрушал патриархальную замкнутость женщин, толкал вперед их развитие, повышал самостоятельность. Бесспорно, что капиталистические фабрики ставят женщин в осо-

---

³⁷ Ленин В. И. Проект программы нашей партии (1899 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4; Он же. Проект программы Всероссийской социал-демократической рабочей партии (1902 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6; Он же. Программа Российской социал-демократической рабочей партии (1917 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32.

³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 198.

³⁹ Там же. Т. 40. С. 157.

⁴⁰ Там же. Т. 40. С. 193.

⁴¹ Там же. Т. 42. С. 369.

бенно тяжелое положение, что “по отношению к ним особенно необходимо сокращение и регулирование рабочего дня, обеспечение гигиенических условий работы и пр., но стремление совершенно запретить промышленную работу женщины... или поддержать тот патриархальный строй жизни, который исключал такую работу, были бы реакционными и утопичными”⁴². Даже в сельской местности, по его мнению, капитализм постепенно расшатывает устой старой патриархальной семьи, ставит женщину в более самостоятельное положение. Эти явления наблюдались особенно ярко в тех местностях, где было распространено отходничество. В.И. Ленин писал, в частности, об отхожих промыслах Костромской губернии: “Привыкшая обходиться без мужской власти и помощи, солигаличанка вовсе не похожа на забитую крестьянку земледельческой полосы: она независима, самостоятельна... Побой и истязания жен здесь редкое исключение... Вообще равенство женщины с мужской сказывается почти везде и во всем”⁴³.

Кроме того, В.И. Ленин подчеркивал, что труд женщин не только необходим им самим для обеспечения подлинного равенства с мужчинами, культурного роста; он крайне необходим для построения нового общества. “Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной поголовной общественной службе, - отмечал он, - нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии”⁴⁴.

Однако для осуществления “поголовного общественного труда” женщин было одно значительное препятствие - непроизводительное домашнее хозяйство, отнимающее много сил и времени, а также дети. Это домашнее хозяйство в большинстве случаев, как считал В.И. Ленин, являлось “...самым диким и самым тяжким трудом... Это труд чрезвычайно мелкий, не заключающий в себе ничего, что сколько-нибудь способствовало бы развитию женщины”⁴⁵. Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется, по его мнению, только там и тогда, где и когда начнется

---

⁴² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 548.

⁴³ Там же. Т. 3. С. 578.

⁴⁴ Там же. Т. 31. С. 165.

⁴⁵ Там же. Т. 39. С. 202.

массовая борьба против этого мелкого домашнего хозяйства или, точнее, перестройка его в крупное социалистическое хозяйство. Общественные столовые, ясли, детские сады и т.п. являлись, по мысли В.И. Ленина - “ростками коммунизма” - теми простыми средствами, которые на деле были способны освободить женщину от “домашнего рабства”, “уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной по ее роли в общественном производстве и общественной жизни”⁴⁶. Он отмечал, что эти средства не новы, они были созданы еще при капитализме, но оставались при нем “во-первых, редкостью, во-вторых - что особенно важно - либо торгашескими предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо “акробатством буржуазной благотворительности”, которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали”⁴⁷.

В послереволюционный период, по мнению В.И. Ленина, характер данных учреждений в корне меняется. Но и тогда, чтобы эти “ростки коммунизма” прижились и стали развиваться, за ними нужно ухаживать. Большую роль в этом деле он отводил пропаганде. “...Мы не ухаживаем как следует за этими ростками нового. Наша пресса не заботится о том, чтобы описывать наилучшие столовые или ясли..., описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удобства для потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства...”⁴⁸ приносят данные учреждения.

Что касается процесса их организации, то В.И. Ленин считал, что лучше с этим справятся сами женщины. Так же, как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, писал он, так и “освобождение женщин-работниц должно быть делом самих женщин-работниц”⁴⁹. Кроме того, чтобы эти учреждения нового быта стали подлинно народными, в их устройстве и функционировании должны принимать участие самые широкие круги общественности. Наладить дело, по мнению В.И. Ленина, необходимо по-деловому, по-пролетарски, «без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о

---

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 24.

⁴⁷ Там же. Т. 39. С. 24.

⁴⁸ Там же. Т. 39. С. 25.

⁴⁹ Там же. Т. 39. С. 202.

планах, системах и т.п., чем “болеет” постоянно мнящая о себе непомерно много “интеллигенция”»⁵⁰.

Таким образом, концепция В.И. Ленина, которая базировалась на взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса, предполагала целый ряд этапов освобождения женщины: свершение пролетарской революции, новое законодательство как общегражданское, так и семейное, отмена частной собственности, включение женщины в общественное производство и политическое управление, создание учреждений “нового быта”. Последним шагом к подлинному равноправию женщин станет, по мысли В.И. Ленина, созвучная пролетарской, революция в области брака, семьи, морали⁵¹.

Все приведенные марксистские теории по решению “женского вопроса” были, безусловно, очень радикальными. Этот радикализм объяснялся реальным состоянием современного теоретикам капиталистического общества, которое, по их мнению, и порождает “женский вопрос”. Полное бесправие женщин сочеталось в это время с их крайне тяжелым положением. Материальные трудности большинства семей вынуждали женщин наравне с их мужьями идти на производство, однако, кроме этого на плечах женщин по-прежнему оставалось домашнее хозяйство (при отсутствии самых элементарных удобств, без которых мы не представляем себе дом сегодня) и дети. Совмещение труда с материнством считалось проблемой самой женщины и никак не регламентировалось работодателем. Охрана женского труда также считалась ненужной роскошью. Отсюда – тяжелые заболевания женщин, высокая смертность детей, развал семьи. Бесправная, работавшая по 10 – 13 ч. женщина и предоставленные сами себе или также за бесценок работавшие на предприятиях дети – вот та реальность, из которой исходили идеологи марксизма.

Пути решения данных проблем они видели в ликвидации тех причин, которые привели к существующей ситуации. Для этого подробно анализировались процессы возникновения семьи, трансформации ее форм, организации государственной власти, которые происходили с древнейших времен. Данные теории были, несомненно, глубокими и имевшими рациональное зерно. Оценивая их

---

⁵⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 25.

⁵¹ Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М. 1955. С. 48.

с позиций сегодняшнего дня, нужно помнить, что они появились в конкретное время, в конкретной исторической обстановке. Кроме того, теории по решению “женского вопроса” были лишь составной частью учения о коренном переустройстве общества, которое мы именуем марксизмом. Поэтому отрицание возможности решения “женского вопроса” в условиях капитализма, негативное отношение к феминистскому движению, неверие в положительную роль “буржуазной” семьи в процессе воспитания детей исходило из основной идеи марксизма – уничтожения существующего несправедливого строя путем революции и построения принципиально нового социалистического общества.

1.2. Идеи А.М. Коллонтай по проблемам реформы семьи, быта, женской эмансипации. Теория “свободы любви”

Кроме В.И. Ленина разработкой теоретических программ осуществления равноправия полов занимались и другие российские марксисты. Наиболее цельную и нетрадиционную концепцию решения “женского вопроса” на основе марксистских теорий создала А.М. Коллонтай - видный партийный и государственный работник, совмещавший теорию с практической деятельностью на постах народного комиссара госпризнания (с апр. 1918 г. – социального обеспечения), заведующей женотделом ЦК РКП(б), члена международного женского секретариата Коминтерна, члена редакции журнала “Коммунистка”. Еще в своих дореволюционных работах “Социальные основы женского вопроса”, “Общество и материнство” А.М. Коллонтай наметила пути решения “женского вопроса”, формирования системы социальной защиты материнства и детства.⁵² На основе анализа большого фактического материала, данных медицинской и производственной статистики она показала, как в различных европейских странах каторжный фабричный труд женщин превращает материнство в “тяжелый крест”. “Вся совокупность современных условий труда и жизни женщины, профессиональной работницы, - писала она, - подрывает нормальную функ-

---

⁵² Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909; Она же. Общество и материнство. Пг., 1916.

цию женщины - деторождение”⁵³, является причиной многих женских и детских заболеваний, высокой смертности младенцев, беспризорности и обездоленности детей.

А.М. Коллонтай подробно рассматривала необходимые меры охраны женского труда, средства уравнивания зарплаты между мужчиной и женщиной путем повышения квалификации, образовательного уровня женщины, но в целом, как и вышеназванные теоретики марксизма, считала производительный женский труд прогрессивным. Она отмечала, что это важный шаг на пути к освобождению женщины, при котором последняя перестанет “зависеть от частного предпринимателя, от мужа-кормильца”⁵⁴. Капитализм, война, - по мнению А.М. Коллонтай, - создали все необходимые предпосылки для раскрепощения женщины. Женский труд вошел, как составная часть производительных сил в учет народного хозяйства. “Большинство взрослых женщин в трудоспособном возрасте оказались втянутыми в общепользную работу. И все же, в пределах буржуазно-капиталистического мира - раскрепощение женщины не могло совершиться”⁵⁵. Она подчеркивала, что эксплуатация пролетариата и двойное угнетение женщины - как со стороны капитала, так и со стороны буржуазной семьи, вызваны одинаковыми причинами - разделением труда и частной собственностью. Из-за отсутствия средств пролетарий вынужден “продавать” свой труд капиталу. По той же причине “женщина в качестве проститутки, содержанки или жены предлагает себя мужчине”⁵⁶, и освобождение ее произойдет только вместе с пролетариатом в результате победы социалистической революции.

В послереволюционном мире характер женского труда, ее положение в обществе, в семье должны, по мнению А.М. Коллонтай в корне измениться. Она приветствовала введение в стране всеобщей трудовой повинности как решающего средства вовлечения женщины в общественное производство, путь к самостоятельности

---

⁵³ Коллонтай А.М. Общество и материнство. С. 120.

⁵⁴ Коллонтай А.М. Положение женщины в эволюции хозяйства. М.; Пг., 1923. С. 145.

⁵⁵ Там же. С. 143.

⁵⁶ Цит. по: Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и А. Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 175.

женщины. Уничтожение частной собственности, пишет автор, влечет за собой и упразднение класса тунеядцев. “В этом новоформирующемся мире труда - нет места для женщин паразиток, для благополучных содержанок своих мужей и любовников, для профессиональных проституток. “Кто не трудится - тот не ест””⁵⁷. Но вместе с тем А.М. Коллонтай отмечала, что трудовая повинность без реформы быта – мероприятие, ведущее к еще большему обременению женщины. Организация быта, т.е. “постепенное, но неуклонное внедрение начал коллективизма в женский обиход, начиная от широко развитой сети домов-коммун и кончая яслями и починочными мастерскими - самый верный способ поднять производительность труда рабочих и в особенности работниц”⁵⁸. Она призывала прекратить “нецелесообразную растрату женских трудовых сил”, направленных на житейские заботы, и использовать энергию миллионов женщин - производительниц на общественное благо. “Отделение кухни от брака”, - писала А.М. Коллонтай, - великая реформа, не менее важная, чем отделение церкви от государства, по крайней мере, в исторической судьбе женщины⁵⁹.

Осуществление указанных мероприятий создает, по мнению А.М. Коллонтай, и новые взаимоотношения между полами. В своих работах “Семья и коммунистическое государство”, “Положение женщины в эволюции хозяйства”⁶⁰ и др. она доказывала, что традиционная форма семьи себя изжила. Причем, по ее мнению, семья теряет свои функции еще при капитализме, поскольку уже тогда исчезают основы, на которых она держится: “общее и нужное” для всех членов семьи хозяйство, экономическая зависимость женщины от мужа-кормильца и необходимость заботы о детях. Как отмечала А.М. Коллонтай, мелкое домашнее хозяйство уже не производит каких-либо материальных ценностей, это становится областью крупной промышленности. Мужчина перестает быть единственным кормильцем семьи, поскольку его жена тоже идет на производство. И, наконец, воспитание детей в пролетарских семьях, в

---

⁵⁷ Коллонтай А.М. Положение женщины в эволюции хозяйства. С. 145.

⁵⁸ Там же. С. 147.

⁵⁹ Там же. С. 168.

⁶⁰ Коллонтай А.М. Семья и коммунистическое государство. Киев, 1919; Она же. Положение женщины в эволюции хозяйства. М.; Пг., 1923.

связи с трудовой занятостью матери, предоставляется улице, а в имущих - наемным няням.

В послереволюционном обществе, по мнению А.М. Коллонтай, от функций традиционной семьи еще остается ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, но государство должно освободить женщину от этого бремени. Оно должно заменить домашний труд эффективным общественным обслуживанием. Будут созданы многочисленные столовые, кухни, прачечные, мастерские по починке одежды и т.д. “Оплакивать” исчезновение домашнего хозяйства, считает А.М. Коллонтай, не нужно, потому что жизнь женщины от этого станет “богаче, полнее, радостнее и свободнее”⁶¹.

И, наконец, забота о детях - последняя опора традиционной семьи - также должна быть возложена, большей частью, на государство. На детских площадках, в яслях, в детских садах за детьми будут присматривать опытные педагоги. Школьники получают прекрасное образование, бесплатное жилье в общежитиях и детских домах, питание, одежду, учебники. Как бы предупреждая возможные возражения, А.М. Коллонтай добавляет, что коммунистическое общество не собирается отнимать детей у родителей или насильно разрушать семью. Оно возьмет на себя лишь “материальную обузу воспитания детей”, радость же отцовства и материнства оставит тем, кто способен понимать и чувствовать эти радости. Но при этом все-таки ожидается, что дети будут жить в коллективах, а родители, решившие участвовать в их воспитании, научатся не делать разницы между “твоими и моими” детьми, а помнить, что есть лишь “наши дети, дети коммунистической трудовой России”. “Лозунг, брошенный в широкие женские массы трудовой республики “Будь матерью не только для своего ребенка, но и для всех детей рабочих и крестьян”, должен научить трудящихся женщин по-новому подходить к материнству”⁶².

Из всех обязанностей по отношению к детям родителям остается лишь рождение здорового младенца и уход за ним, пока он слишком мал для детского коллектива. Но и здесь А.М. Коллонтай требовала независимости женщин от мужской опеки. В трудовом государстве, считала она, не должно быть одиноких, брошенных на

---

⁶¹ Коллонтай А.М. Семья и коммунистическое государство. С. 15-16.

⁶² Коллонтай А.М. Положение женщины в эволюции хозяйства. С. 173.

произвол судьбы матерей. Именно государство должно обеспечить каждую мать, построить дома материнства, ввести при предприятиях ясли, колыбельные, чтобы дать возможность женщине совместить общественно-полезный труд с другой важнейшей социальной функцией – материнством.

Кроме того, А.М. Коллонтай предлагала разрешить вопрос об обеспечении матерей с маленькими детьми за счет образования единого общего страхового фонда. Этот фонд, по ее мнению, должен был складываться из небольших страховых взносов всего трудового населения, взимаемых по принципу прогрессивности - чем выше заработок и доход, тем больше взнос. Таким образом, даже при минимальном сборе (2 руб. в год), 60 млн. взрослого населения могли бы собрать 120 млн. руб. Из данного фонда покрывались бы расходы на содержание детских учреждений, выдавались бы пособия нетрудоспособным матерям и обеспечивались бы дети, сначала хотя бы в возрасте до года, а позднее, по мере накопления фонда - до 3 - 4 лет⁶³. В этом случае, подчеркивала А.М. Коллонтай, государство перестало бы характеризовать советскую женщину как “законную жену”, “незаконную жену” или “случайную любовницу” и обеспечивало бы всех матерей и детей, независимо от их права на “законные алименты”. Вообще, к выплате алиментов со стороны отцов на детей, рожденных вне брака или оставшихся с матерью после расторжения брака, А.М. Коллонтай относилась отрицательно. Она считала, что “момент получения “денежного пособия” от соратника и товарища имеет настолько неприятный и горький привкус, что способен нарушить принцип равенства членов одного и того же класса”⁶⁴. Да и сама материальная сторона вопроса, по ее мнению, не выдерживала критики. С кого взыскивать эти “законные алименты”? - спрашивала она. С безработного рабочего, с бедняка - крестьянина, отца ребенка, или с рабфаковца, который сам едва сводит концы с концами? “Алиментов даже в

---

⁶³ Осипович Т. Проблемы пола, брака, семьи и положения женщины в общественных дискуссиях 1920-х годов // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 164.

⁶⁴ Коллонтай А.М. Общество и материнство. С. 173.

размере каких-нибудь 7 - 12 рублей в месяц вы не взыщете ни со студента, ни с батрака, ни с рабочего со средним заработком”⁶⁵.

Однако предложение А.М. Коллонтай ввести в стране единый страховой фонд широкого освещения не получило. Ее статья “Общий котел или индивидуальные алименты” появилась лишь в нескольких изданиях и подверглась острой критике. А.М. Коллонтай обвиняли в “левых уклонах”, в пропаганде “излишней свободы” в половых отношениях. Например, женщины-работницы Трехгорной мануфактуры писали по этому поводу следующее: “То, что предлагает тов. Коллонтай - не дело. Если ввести такой налог, то мужчины окончательно распояшутся и получится сплошной разврат. Мужчина, зная, что ему “трети” нечего бояться, будет жить с женщиной не больше недели, а потом бросит ее на произвол судьбы”⁶⁶. И действительно, причин для послереволюционного послабления нравов было достаточно: нестабильность жизни, гражданская война, экономические трудности, раннее вынужденное взросление подростков, новый и не всегда понятный взгляд на положение женщины.

А.М. Коллонтай понимала, что объявить политическое и гражданское равноправие женщины еще не значит действительно сделать ее равноправной. Одновременно с реформами экономического и политического плана, по ее мнению, общество должно серьезно пересмотреть традиционные отношения между полами, произвести переоценку ряда моральных ценностей. Она считала, что в новом обществе в первую очередь предстоит измениться самой женщине. Так, традиционными чертами “прежней женщины” были покорность, мягкость, отзывчивость, эмоциональность, умение “приспособиться” и уступить. Именно эти качества воспитывались в ней веками для роли жены, матери; именно эти качества позволяли мужчине манипулировать женщиной, использовать ее поддержку для достижения своих личных целей, захвата и укрепления своего главенства в жизни⁶⁷.

---

⁶⁵ Осипович Т. Проблемы пола, брака, семьи и положения женщины в общественных дискуссиях 1920-х годов // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 164.

⁶⁶ Там же. С. 165.

⁶⁷ Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919. С. 17-18.

“Новая женщина”, по мысли А.М. Коллонтай, должна отказаться играть второстепенную роль в обществе, она должна стать полноценной, самостоятельной и независимой личностью. Но для этого ей нужно воспитать в себе новые качества: 1) самодисциплину; 2) умение дорожить своей независимостью, индивидуальностью; 3) уважение свободы чувства; 4) отведение любовным переживаниям второстепенного места в жизни; 5) повышенную требовательность к мужчине⁶⁸. «Современная женщина может простить многое из того, с чем всего труднее примирилась бы женщина прошлого: неумение мужчины доставить ей материальное обеспечение, небрежность внешнюю к себе, даже измену, но никогда не забудет, не примирится она с небрежным отношением к своему духовному “я”»⁶⁹.

Характерной чертой “новой женщины”, считала А.М. Коллонтай, является утверждение себя как представительницы пола, что должно выражаться “в бунте женщины против односторонней сексуальной морали”, в свободе любовного выбора. Уже появляются новые моральные критерии в отношении женщины - “не вызывает отрицательного отношения девушка-мать, женщина, уходящая от мужа”⁷⁰.

Названные качества “новой женщины” начинают формироваться, по мнению А.М. Коллонтай, уже при капитализме. Он “щадит лишь тех женщин, которые успевают сбросить с себя “женские добродетели” и усвоить философию борца за существование, присущую мужчинам”⁷¹. Но окончательное их оформление произойдет и происходит в новом обществе, когда вместе с женщиной изменятся отношения между полами и семейные устои.

А.М. Коллонтай считала, что моральный кодекс, взаимоотношения между полами оказывают самое непосредственное влияние на социальное устройство общества и могут сыграть решающую роль в исходе классовой борьбы. Мораль буржуазии, основанная на индивидуализме, конкуренции, частной собственности и неравенстве продемонстрировала свою полную несостоятельность. Ее должна заменить мораль рабочего класса, в основе которой лежат

---

⁶⁸ Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. С. 17-20.

⁶⁹ Там же. С. 20.

⁷⁰ Там же. С. 28-29.

⁷¹ Там же. С. 31.

принципы коллективизма, товарищеского сотрудничества и равенства. “Физиологические начала, любовь - писала она, - уступают место творческому принципу, “товарищеской солидарности”, новые сексуальные отношения между полами покоятся на полной свободе, равенстве и товариществе”⁷².

Следует отметить, что ни одна идея А.М. Коллонтай не вызывала у ее соратников по партии столь бурного сопротивления, как трактовка понятия “свободы любви”, которая действительно является довольно сложной, противоречивой и спорной. Так, рассматривая любовь с классовых позиций, она писала: “...чем больше нитей протянуто от души к душе, от сердца к сердцу, от ума к уму - тем прочнее внедряется дух солидарности и легче осуществляется идеал рабочего класса - единство”⁷³. Отвергая “бескрылый эрос”, А.М. Коллонтай подчеркивала, что “свобода любви” не имеет ничего общего с половой распущенностью, продажностью, “свобода любви” - это возможность уйти от нелюбимого человека к любимому, даже если это случается не один раз. Общество же, по ее мнению, “должно научиться признавать все формы брачного общения, какие бы непривычные контуры они не имели, при двух условиях: чтобы они не наносили ущерба расе и не определялись гнетом экономического фактора”⁷⁴.

Что касается семьи, то по мысли А.М. Коллонтай, при коммунизме “семья перестанет быть нужной”⁷⁵, “регулятором взаимоотношений становится не право, а мораль, вместо семьи будут существовать формы брачного общения”⁷⁶. При этом, считала она, браки могут быть как длительными, так и краткосрочными, “основанными на духовных началах, на страсти и даже на приходящем физическом влечении”⁷⁷. Главное, чтобы общество на деле научилось признавать “святость материнства”, оказывая матери и ребенку моральную и материальную поддержку. В идеале, новое “брачное общение”

---

⁷² Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. С. 52.

⁷³ Коллонтай А.М. Дорогу крылатому Эросу // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 121.

⁷⁴ Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. С. 46.

⁷⁵ Коллонтай А.М. Семья и коммунистическое государство. С. 17.

⁷⁶ Коллонтай А.М. Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений // Коммунистка. М., 1921. № 12. С. 29.

⁷⁷ Коллонтай А.М. Семья и коммунизм // Коммунистка. М., 1920. № 7. С. 17.

представлялось А.М. Коллонтай как моногамный брак - “товарищеский и сердечный союз двух свободных и самостоятельных, зарабатывающих, равноправных членов коммунистического общества”⁷⁸. В этом союзе не будет домашнего “рабства” женщины, неравенства, страха женщины остаться без поддержки с детьми на руках, если бросит муж, а потому такой союз будет более радостным и счастливым, чем брачные отношения прошлого.

В художественном произведении А.М. Коллонтай “Скоро (через 48 лет)” представлена целостная концепция автора о недалеком уже коммунистическом обществе, об отношениях между его членами (хотя, возможно, в несколько утрированном виде). Мужчины и женщины там живут в отдельных общежитиях, дети - в домах ребенка, старики - “в доме отдохновения”, каждый занят своим, общественно-полезным делом⁷⁹.

В целом А.М. Коллонтай создала интересную коммунистическо-феминистскую концепцию решения “женского вопроса”, отдельные элементы которой могли быть реализованы, другие - были утопичными. Анализируя происходящие в обществе перемены, она часто “забегала вперед”, принимая за реально существующее то, что было лишь тенденцией. Отсюда и многие ее ошибки в конкретных предложениях, в частности, по проблемам семьи, морали. В работах ее чувствуется сильное влияние не только непосредственно марксистских идей, но и взглядов социалистов-утопистов. Однако рассматривать эти работы лишь в негативном или ироническом ключе вряд ли правомерно. Несмотря на чрезмерный радикализм, свойственный ее взглядам и тому времени в целом, А.М. Коллонтай и ее труды сыграли значительную роль в решении важнейших социальных проблем, не закрытых и сегодня.

1.3. Отношение власти и общества к идеям А.М. Коллонтай

Отношение к общей концепции А.М. Коллонтай и отдельным ее составляющим было различным как со стороны партийной верхушки, так и общественного мнения. Например, идеи создания об-

---

⁷⁸ Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. С. 86.

⁷⁹ Коллонтай А.М. Скоро (через 48 лет). М., 1922. С. 7.

щественного быта, реформы семьи разделяли практически все российские марксисты. Однако пути решения этих проблем предлагались различные. Если А.М. Коллонтай и под ее влиянием **Первый Всероссийский съезд работниц** (1918 г.) решили “немедленно же и в самых широких размерах осуществить ту сеть мероприятий и насадить те учреждения, которые перекладывают на пролетарское государство все прежние обязанности работниц”⁸⁰, то **Л.Д. Троцкий**, в частности, подходил к данным вопросам более осторожно. “...Обобществление семейного хозяйства и воспитания детей, - писал он, - немыслимо без известного обогащения всего нашего хозяйства в целом. Нам нужно социалистическое накопление. Только при этом условии мы сможем освободить семью от таких функций и забот, которые ныне угнетают и разрушают ее”⁸¹.

В отношении проблемы брака и семьи в новом обществе ближе всего к А.М. Коллонтай по своим взглядам стояла **И.Ф. Арманд**, которая считала, что “мы уже сейчас должны свести до минимума... вмешательство государства в дело распоряжения и заключения браков, брак будет делом личным и совершенно свободным”⁸². В одной из брошюр для работниц, которая не была опубликована, но подробно рассматривалась В.И. Лениным, И.Ф. Арманд выдвигала также требование “свободы любви”⁸³. **В.И. Ленин** оценил его не как пролетарское, а как буржуазное требование и попытался показать различные его оттенки. Что можно понимать под “свободой любви”? - писал он. “1) Свободу от материальных расчетов в деле любви? 2) От материальных забот? 3) От предрассудков религиозных? 4) От запрета папаша? 5) От предрассудков общества? 6) От узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной среды)? 7) От уз закона, суда, религии? 8) От серьезного в любви? 9) От деторождения? 10) Свободу адюльтера?”⁸⁴. Пролетариату, - подчеркивал В.И. Ленин, - важнее всего №№ 1 - 2,

---

⁸⁰ Цит. по: Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.). М., 1978. С. 217.

⁸¹ Цит. по: Каплун С. Современные проблемы женского труда и быта. М., 1924. С. 81.

⁸² Арманд И.Ф. Задачи работниц в Советской России // Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. М., 1975. С. 106.

⁸³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 51-52.

⁸⁴ Там же. С. 51.

и затем №№ 1 - 7, а это собственно не “свобода любви”. “Не лучше ли противопоставить мещански-интеллигентски-крестьянский пошлый и грязный брак без любви - пролетарскому гражданскому браку с любовью”⁸⁵.

Весьма резко В.И. Ленин оценивал и подобные взгляды А.М. Коллонтай. Например, во время VIII съезда РКП(б) А.М. Коллонтай хотела внести поправку в пункт 28-й программы партии - о семье и браке. В.И. Ленин прочитав, спросил: “Что вы хотите сказать этим выражением - исчезновение замкнутой формы семьи? Ишь куда вы хватили при коммунизме... Нам, наоборот, надо семью от развала удержать, детей сохранить. А вы вот куда махнули...”⁸⁶. В.И. Ленин, как уже отмечалось выше, также считал необходимым осуществление реформы семьи, морали, но его идеал новых семейно-брачных отношений был значительно более умеренным, чем у А.М. Коллонтай.

Отрицательно высказывались по поводу теории “новой половой морали” А.М. Коллонтай также А.В. Луначарский и **Е.И. Ярославский**. Последний, в частности, писал, что это “утопия и утопия отнюдь не коммунистическая”⁸⁷. Он трактовал “свободную любовь” как “теорию, взятую у буржуазного общества” и советовал “учиться у Маркса и Ленина, а не у Коллонтай”⁸⁸. Так же, как и вышеназванные теоретики, у которых он советовал учиться, Е.И. Ярославский горячо поддерживал идею общественного воспитания детей, освобождения женщины от домашнего хозяйства и включения ее в общественно-полезный труд. Именно этот труд, по его мнению, и должен стать прочным связующим звеном для семьи “нового типа”. “Складывается такая форма семьи, - писал он, - где два товарища помогают друг другу делать большое общественное дело, строить социалистическое хозяйство. Они вместе участвуют в социалистическом накоплении. В этом коренное отличие новой

---

⁸⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 56.

⁸⁶ Цит. по: Иткина А.М. Революционер, трибун, дипломат. М., 1970. С. 204.

⁸⁷ Ярославский Е.И. На путях к коммуне. М.; Л., 1930. С. 23.

⁸⁸ Ярославский Е.И. Мораль и быт пролетариата в переходный период. Л., 1926. С. 44.

семьи от всякой мелко-буржуазной семьи, которая создает материальные благополучия только для своей собственной семьи”⁸⁹.

А.В. Луначарский также признавал парную семью, освобожденную от своих “буржуазных черт” - командования мужчины и “погребения женщины под бременем домашнего хозяйства” - единственно правильной формой брачных отношений⁹⁰. Но в свое “определение” новой семьи он включил значительно больше связывающих ее составляющих, чем просто “социалистическое созидание”. “Мы должны стремиться к прочным брачным союзам любящих и уважающих друг друга граждан, которые всерьез и надолго объединяются для совместной жизни, общей работы, взаимной помощи, рождения и воспитания детей”⁹¹.

Н.К. Крупская добавляет к теоретическому идеалу семьи еще одну крайне важную, по ее мнению, деталь - участие супругов в общественной работе. “Общественная работа, - указывала она, - вносит новое в семейные отношения. Жена смотрит на мужа не только как на любимого человека, но как на товарища; и муж начинает на жену смотреть по-другому, уже не как на свою рабу, на предмет своего удовольствия, а также как на товарища... Дети тоже начинают смотреть на мать не только как на мать, но как на члена организации”⁹². Н.К. Крупская так же, как и А.М. Коллонтай, признавала возможность свободы выбора: “разводиться можно хоть пять раз”, - писала она, но при этом оставалась сторонницей сохранения единобрачной семьи⁹³.

Проблемы новой “половой морали”, реформы семьи обсуждались в 1920-е годы не только в партийной, но и в научной среде, в широких кругах общественности, где также наблюдался широкий спектр мнений. Одни авторы, **П. Виноградская**, например, считали, что “половой проблемы нет”, что “выпячивание проблем любви А.М. Коллонтай производит смешное и жалкое впечатление”, и что молодое поколение “ответит полным недоумением на попытки

---

⁸⁹ Ярославский Е.И. Мораль и быт пролетариата... С. 34.

⁹⁰ Луначарский А.В. О быте. М., 1928. С. 46.

⁹¹ Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М., 1976. С. 320.

⁹² Крупская Н.К. О быте работниц // Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 6. М., С. 90.

⁹³ Крупская Н.К. Брачное и семейное право в Советской республике // Коммунистка. М., 1920. № 1-2. С.17.

воспитывать его на вопросах любви”⁹⁴. Но молодежь как раз очень интересовали проблемы половой морали. Аудитории, в которых А.М. Коллонтай выступала с докладами, ломились от людей, а ее книги и статьи зачитывались до дыр⁹⁵.

Однако идеи А.М. Коллонтай зачастую трансформировались, попадая в среду с низким культурным уровнем, и из довольно сложного толкования ею “свободной любви” получалась либо распущенность, либо полное отрицание любви и брака. А.М. Коллонтай приписывали то, что она никогда не создавала, например, пресловутую теорию “стакана воды”, согласно которой удовлетворить потребности пола в коммунистическом обществе так же легко, как выпить стакан воды. “От этой теории “стакана воды”, - сообщал В.И. Ленин Кларе Цеткин, - наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась...”⁹⁶. Широкое распространение получили лозунги: “Обобществления жен”, “Долой стыд”. Причем, хотя оценивались они чаще всего отрицательно, но обсуждались вполне серьезно⁹⁷.

Сумятицу и неразбериху в сознание населения вносили не только многочисленные теории новых семейно-брачных отношений, но и получившие распространение фальшивые “декреты” о национализации женщин. Один из них был сфабрикован в Саратове в 1918 г. владельцем чайной **М. Уваровым**, дабы дискредитировать анархистов (он был написан от их имени), за что автор и был ими убит⁹⁸. Принятие “Декрета... в отмену частного владения женщинами” мотивировалось следующим образом: “Социальное неравенство и законные браки, имевшие для буржуазии место до настоящего времени, служат орудием для буржуазии, благодаря которому все лучшие экземпляры прекрасного пола находились в собственности буржуазии, чем нарушалось правильное продолжение человеческого рода”⁹⁹. В связи с этим все женщины с 17 до 32

---

⁹⁴ Виноградская П. Крылатый Эрос товарища Коллонтай // Коммунистическая мораль и семейные отношения. Минск, 1926. С. 91, 96, 116.

⁹⁵ Иткина А.М. Указ. соч. С. 204-205.

⁹⁶ Цеткин К. Из записной книжки // К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин о “женском вопросе”. М., 1978. С. 495.

⁹⁷ См.: Стратоницкий А. Вопросы быта в комсомоле. Л., 1926. С. 53.

⁹⁸ Велидов А. “Декрет о национализации женщин” // Журналист. 1995. № 3. С. 34-37.

⁹⁹ Велидов А. “Декрет о национализации женщин”. С. 35.

лет “изымаются из частного владения и объявляются достоянием (собственностью) народа”. За бывшими мужьями сохранялось право “внеочередного пользования своей женой”. Рожденные младенцы в возрасте 1 мес. должны были направляться в приют “Народные ясли”, где они “воспитываются и получают образование до 17 лет за счет фонда “Народное поколение””¹⁰⁰. Декрет содержал 19 параграфов, конкретизирующих процесс “национализации женщин”, пользования этим “народным достоянием”, создания фонда для содержания детей.

А. Велидов, занимавшийся изучением данного “декрета”, отмечал, что с убийством М. Уварова история этого документа не закончилась. Напротив, она только начиналась. Фальшивка была сочинена настолько талантливо, что она производила впечатление вполне достоверного документа. Не случайно поэтому многие поверили в ее подлинность.

Этот “декрет” и появившиеся другие подобные ему “декреты” с необычайной быстротой распространялись по стране - сначала в Поволжье, а затем и в других регионах. Их перепечатывали газеты кадетов, эсеров, меньшевиков, беспартийные общественные издания. Одни преследовали цель скомпрометировать анархистов, другие - настроить массы против советов, третьи - посмешить читателя. Обстановка в стране и без того была взрывоопасной, а подобные слухи еще больше усиливали политическую и социальную напряженность. В апреле - мае 1918 г. по распоряжению ВЧК был прекращен выпуск ряда газет, обнародовавших “декрет” в Москве, Луге, Колпино и некоторых других городах. Как отмечал А. Велидов, кое-где, особенно в глухих деревнях, чересчур ретивые должностные лица принимали фальшивку за подлинный документ и в пылу “революционного” усердия готовились к “решительным действиям”¹⁰¹.

Быстрота распространения “декрета” и та легкость, с которой люди верили в его подлинность, объяснялась, с одной стороны, наличием широкого спектра взглядов по проблемам реформы семьи, морали даже среди партийной верхушки, а с другой стороны, еще более широким спектром толкований этих взглядов самим населе-

---

¹⁰⁰ Велидов А. “Декрет о национализации женщин”. С. 35-36.

¹⁰¹ Там же. С. 37.

нием, которое добавляло к ним слухи, фантастические детали. Как уже говорилось выше, еще в “Манифесте Коммунистической партии” К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали наличие теорий о национализации женщин. Они также приписывались социалистам и использовались для дискредитации их идей¹⁰².

Однако, если эти теории социал-демократы единодушно относили к чисто утопичным взглядам, не имеющим ничего общего с коммунизмом, то некоторые другие, по своей сути не менее утопичные теории, даже пытались воплощать в жизнь. Одной из них была разработка новой формы общежития населения - домов-коммун. В Советской России эту идею связывали обычно с именем А.М. Коллонтай, однако разделяли и высказывали подобные мысли очень многие. Ф. Энгельс, например, высоко оценивал опыт коммунистических колоний и даже рекомендовал организацию подобных коммун в новом обществе¹⁰³. Н.К. Крупская предлагала внимательно изучить и средневековой монастырский коммунизм, и коммунизм утопистов, и европейское кооперативное движение, и так называемый муниципальный социализм. “Изучать, чтобы лучше понять стоящие перед нами задачи в области коллективного хозяйства и налаживания коллективной жизни”¹⁰⁴.

В условиях, когда формирование учреждений “нового быта” - яслей, детских садов, столовых, прачечных и т.п. шло очень медленно, а жизнь требовала привлечения женщин к общественному производству, дома-коммуны казались выходом из положения. “...Необходимо всячески содействовать организации жилищ-коммун с общей кухней, читальней, детским домом и с другими учреждениями, облегчающими быт”¹⁰⁵, - писал С. Каплун. С подобными предложениями выступали также Л.Д. Троцкий, И.Ф. Арманд и др. В крупных городах действительно было создано некоторое количество домов-коммун с обобществленным бытом. А.М. Коллонтай приводила следующие данные: на 23 тыс. домов в Москве в 1920 г. насчитывалось свыше 8000 домов-коммун и общежитий, т.е. почти

---

¹⁰² Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 444.

¹⁰³ Там же. Т. 42. С. 211-225.

¹⁰⁴ Крупская Н.К. О бытовых коммунах // Педагогические сочинения. Т. 6. М., 1959. С. 175.

¹⁰⁵ Каплун С. Современные проблемы женского труда и быта. М., 1924. С. 87.

40%¹⁰⁶. Однако дома такого типа не удовлетворяли большинство жильцов, желавших иметь отдельные квартиры и свое семейное домашнее хозяйство. “Многие дома, - как отмечал Л.Д. Троцкий, - оказались загажены и разрушены. Поселившиеся в них семьи относились нередко к домам-коммунам не как к материальной предпосылке нового быта, а как к казенному бивуаку”¹⁰⁷.

Отсутствие поддержки среди населения не убедило особо рьяных реформаторов быта в собственной неправоте. Напротив, Л.М. Сабсович, например, в книге “Социалистические города” предлагал не считаться с мнением большинства и строить дома, рассчитанные на насильственное обобществление семейного быта. “Не должно быть отдельных квартир с кухнями, кладовыми и пр.”, - писал он, и даже “комнат для общего проживания мужа и жены быть не должно”¹⁰⁸. Другой автор, Ю. Ларин, предлагал переселять в дома с обобществленным бытом прежде всего коммунистов и комсомольцев в порядке дисциплины, а других рабочих насильственно не переселять, но и квартир другого типа им не давать. “Кто этого не хочет, - может оставаться в старых домах. А жилплощадь в новых домах надо передавать (в первую очередь) тем, кто согласен на коллективизацию пищи, стирки, ухода за маленькими детьми”¹⁰⁹, - писал он.

Кроме городских домов-коммун, в 1918 - 1920-е годы стихийно возникали коммуны и в сельской местности. В некоторых из них полностью ликвидировали домашнее хозяйство отдельных семей, объединяли всю землю, инвентарь, скот, птицу; крестьян переселяли в общественные дома, вводили общественное питание; личные интересы в быту заглушались уравниловкой¹¹⁰.

Некоторые сторонники обобществленного быта, в противоположность, в частности, А. Бебелю, выступали против бытовой механизации и налаживания производства соответствующих машин, приборов, считая эту тенденцию обуржуазиванием. В 1930 году так

---

¹⁰⁶ Коллонтай А.М. Положение женщины в эволюции хозяйства. С. 169.

¹⁰⁷ Цит. по: Каплун С. Указ. соч. С. 84.

¹⁰⁸ Цит. по: Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917 – 1937 гг.). М., 1978. С. 219.

¹⁰⁹ Там же. С. 220.

¹¹⁰ Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР... С. 221.

называемый “левый уклон” в партии был осужден ЦК за “...крайне необоснованные, полуфантастические, а потому чрезвычайно вредные попытки... переустройства быта...”¹¹¹.

Существование в 1920-е годы излишне радикальных взглядов на трансформацию прежних семейных устоев, быта, морали объясняется, видимо, вполне понятным протестом против всего буржуазного. “Старый быт трещал по швам.., - писала С. Смидович, - а новый? Да разве он не нес с собой полного разрушения всяческой семьи? Разве он не сдавал семью как буржуазную форму быта в архив вместе со всем прочим хламом, оставшимся от буржуазного строя? Теперь нам совершенно ясно, что такое упрощенное решение вопроса ... является не чем иным, как некоторой своеобразной разновидностью мелкобуржуазного нигилизма”¹¹².

Однако столь бурное обсуждение проблем женской эмансипации и форм будущих семейно-брачных отношений продолжалось, главным образом, до середины 1920-х годов, а затем постепенно сошло на нет. В противовес многим радикальным теориям, негласной официальной доктриной по вопросам половой морали становятся взгляды в духе “половых заповедей” профессора **А.Б. Залкинда**, который считал, что сексуальное влечение представляет собой проявление одного из “низших пластов личности”, и оно не должно отвлекать представителей нового общества от выполнения их социально-исторической миссии. Решающее значение Залкинд придавал фактору переключения половой энергии в русло социальной активности. Основные положения его “заповедей” гласили: “...поменьше полового разнообразия, половой подбор должен строиться по классовой линии, социальное, классовое впереди животного...” Он подчеркивал “необходимость полового воздержания до брака, политическое, экономическое и физиологическое приближение женщины к мужчине, необходимость вмешательства государства в половую жизнь своих сочленов в интересах революционной целесообразности и, наконец, десексуализирование”¹¹³.

---

¹¹¹ Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР...

¹¹² Смидович С. Молодежь и любовь // Быт и молодежь. М., 1926. С. 63.

¹¹³ Залкинд А.Б. 12 половых заповедей революционного пролетариата // Философия любви. Ч. 2. М., 1990. С. 338-353.

Семейная, сексуальная жизнь отдельного человека не являлась теперь только его частным делом, она разбиралась на партийных собраниях, в производственных коллективах. Например, в уставе бригады Московского электрозавода говорилось следующее: “Коммуна запрещает случайные половые связи со стороны коммунистов и половую распущенность и считает, что единственно правильным разрешением полового вопроса является длительный брак, основанный на любви, а также на общности классовых интересов”¹¹⁴.

Что касается женской эмансипации, то общепринятой становится мысль о том, что женщина обязана участвовать в общественном производстве, политической жизни, а коммунистки и комсомолки (с 1920 г.) - и в защите социалистического отечества¹¹⁵. При этом важнейшей “социальной функцией” женщины называлось материнство, которое женщина должна была совмещать со всеми вышеназванными видами деятельности в условиях неразвитой системы социальной защиты материнства и детства и сохранения традиционных взглядов на роль женщины в качестве жены, матери, хозяйки.

1.4. Советская идеология и задачи формирования “нового человека”

Как уже отмечалось, все без исключения теоретики-социалисты считали одним из основных средств улучшения положения женщины и облегчения “бремени материнства” - развитие системы детских учреждений. Эта социальная мера, кроме вышеназванных задач, преследовала еще одну цель - организацию воспитания нового поколения. Сама идея общественного воспитания детей была не нова. Она возникла еще в древности, а в более поздние периоды получила теоретическую разработку в трудах Я.А. Каменского, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинского и др. Так же как и “женский вопрос”, проблема воспитания особую остроту получила при капитализме. Государственная воспитательно-образовательная система была в это время крайне плохо развитой, особенно для огромной массы крестьянских, пролетарских детей, а семья, по единодушному утверждению социалистов, находилась в

---

¹¹⁴ Ярославский Е.И. На путях к коммуне. М.; Л., 1930. С. 44.

¹¹⁵ Чирков П.М. Указ. соч. С. 153.

стадии разрушения и, в связи с низким уровнем развития самих родителей, а также занятостью их на производстве, не могла восполнить этот пробел.

К. Маркс и Ф. Энгельс, рассматривая в своих работах проблему общественного воспитания, считали ее важнейшим фактором переустройства общества. “Наиболее передовые рабочие, писал К. Маркс, - вполне сознают, что будущее их класса, и, следовательно, человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения”¹¹⁶. Отводя воспитанию столь значительную роль, теоретики марксизма рассматривали его организацию исключительно с классовых позиций. Лозунг равного для всех народного воспитания в условиях капиталистического строя они считали чисто декларативным, утопичным. “Что представляют себе под этими словами? Воображают ли, что в современном обществе воспитание для всех классов может быть равным? Или требуют, чтобы и высшие классы были принудительным образом низведены до скромного уровня воспитания народной школы, - единственно совместимого с экономическим положением не только наемных рабочих, но также и крестьян?”¹¹⁷. Только в будущем коммунистическом обществе, где будет ликвидирована частная собственность и привилегии господствующего класса, возможно, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, осуществление общественного бесплатного воспитания и образования для всех детей. Они полагали, что такое воспитание должно содержать три составляющих: во-первых, умственное воспитание, включающее в себя формирование правильного диалектико-материалистического мировоззрения, глубокие знания о природе и обществе; во-вторых, физическое, - “какое дается в гимнастических школах и военными учреждениями”; в-третьих, политехническое обучение, “которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и одновременно дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств”¹¹⁸.

Основой всестороннего развития личности К. Маркс и Ф. Энгельс считали творческий труд и предполагали обязательное при-

---

¹¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16. С. 198.

¹¹⁷ Там же. Т. 19. С. 29.

¹¹⁸ Там же. Т. 16. С. 198.

влечение учащихся к производительному труду. “Мы считаем тенденцию современной промышленности привлекать детей и подростков обоего пола к участию в великом деле общественного производства прогрессивной, здоровой и законной тенденцией, хотя при капиталистическом строе она и приняла уродливые формы”¹¹⁹. При будущем разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста, по мысли К. Маркса, должен стать производительным работником, подчинившись, тем самым, общему закону природы: “чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками”. Основываясь на физиологии, К. Маркс предлагал разделить подростков на 3 группы и, в зависимости от этого, определять количество рабочего времени. Дети 9 – 12 лет должны, по его мнению, трудиться 2 часа; 13 - 15 лет – 4 часа; 16 - 17 лет - 6 часов¹²⁰. Распределению детей и подростков по возрастным группам должен соответствовать и постепенно усложняющийся курс технического обучения. Важным воспитательным принципом К. Маркс также считал введение хотя бы частичной самоокупаемости детских производственных мастерских.

Кроме вышеназванных составляющих воспитательного процесса К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли большое внимание нравственному воспитанию. Они подчеркивали, что по признанию “всех авторитетов” и, в частности, комиссии по обследованию детского труда, школы не оказывают почти никакого влияния на нравственность рабочего класса. К. Маркс и Ф. Энгельс связывали этот факт с “засильем” религиозного воспитания. По их мнению, подростки, которых в течение 4 - 5 лет обучения в школе пичкают одними религиозными догматами, под конец знают не больше, чем знали в начале¹²¹.

Взамен религиозного воспитания К. Маркс и Ф. Энгельс предлагали прививать молодежи такие моральные черты, которые делали бы ее более способной к активному участию в борьбе за скорейшее уничтожение капиталистического строя и за создание нового коммунистического общества: социалистический патриотизм, пролетарский интернационализм, социалистический гуманизм,

---

¹¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения Т. 16. С. 197.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же. Т. 2. С. 347.

подлинный коллективизм. “Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание, - говорилось в “Манифесте Коммунистической партии”, - они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса”¹²². Определяющим началом для нравственного воспитания, по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, должна служить мораль “самого передового класса общества” - рабочего класса, представляющая интересы подавляющего большинства населения и в конечном итоге - интересы всего человечества.

Привитие соответствующих моральных норм, а также “сочетание оплачиваемого производительного труда, умственного воспитания, физических упражнений и политехнического обучения, - как считали классики марксизма, - поднимет рабочий класс значительно выше уровня аристократии и буржуазии”¹²³.

Среди российских теоретиков нового воспитания следует выделить прежде всего В.И. Ленина, А.В. Луначарского и Н.К. Крупскую, взгляды которых оказали непосредственное влияние на разработку политики Советского государства в данном вопросе. Они опирались на приведенные выше теоретические установки К. Маркса и Ф. Энгельса, но учитывали также и другие достижения прогрессивной мировой педагогической мысли, главным образом, те, которые не шли вразрез с основополагающей классовой идеей. Разделяя веру в воспитание и просвещение масс как в силу, преобразующую человека и общество, **А.В. Луначарский**, например, подчеркивал: “Ни одно классовое государство не могло держаться и править при помощи только политической силы или экономического влияния; всегда огромную роль играло и просвещение в классовом духе”¹²⁴. **В.И. Ленин** выделял следующие задачи в этой области: введение бесплатного, обязательного, общего и политехнического образования; осуществление тесной связи обучения с производительным трудом; снабжение всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства; подготовка кадров нового учительства, проникнутого идеями коммунизма; привлечение трудящегося населения к активному участию в деле про-

---

¹²² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 443.

¹²³ Там же. Т. 16. С. 198.

¹²⁴ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 152.

свещения; развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей¹²⁵. По мнению В.И. Ленина, школа должна стать “проводником идейного, организационного, воспитывающего влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания населения, способного окончательно осуществить коммунизм”¹²⁶.

Содержание нового воспитания российские теоретики наполняли теми же составляющими, что и классики марксизма – это труд, политехническое обучение, умственное, физическое, нравственное воспитание. В идеале целью советской школы мыслилось воспитание “всесторонне развитых людей, имеющих цельное, продуманное мировоззрение, подготовленных... к труду, умеющих строить разумную общественную жизнь”¹²⁷. Однако сложность осуществления данных принципов на практике существенно сузила границы “идеала”. “В настоящее время, - писала **Н.К. Крупская**, - мы не можем говорить еще о гармонически развитой личности, но... наша школа и наши дошкольные учреждения должны поставить себе задачу выработать человека, максимально приспособленного к труду”¹²⁸. Или, словами А.В. Луначарского, “...создать из маленького человека большого работника социалистического общества”¹²⁹. Нравственное воспитание мыслилось исключительно атеистическим, коллективистским, уничтожающим “эгоизм, который вносит рознь в ряды трудящихся и тормозит развитие социализма”¹³⁰. Необходимо было также формировать патриотизм, интернационализм, трудолюбие, честность и дисциплинированность. Весь процесс воспитания, по единодушному мнению российских марксистов, должен был быть политизирован, поскольку, как подчеркивал В.И. Ленин, “наше дело в области школьной - есть та же борьба за свержение буржуазии..., школа вне жизни, вне политики - это ложь и лицемерие”¹³¹.

---

¹²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 96.

¹²⁶ Там же. Т. 38. С. 95.

¹²⁷ Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 2. М., 1958. С. 81.

¹²⁸ Там же. Т. 6. М., 1958. С. 55.

¹²⁹ Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М., 1976. С. 29.

¹³⁰ Крупская Н.К. Указ. соч. Т. 6. С. 82.

¹³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 76.

Начинать воспитание подрастающего поколения предполагалось как можно в более раннем возрасте. Дошкольное воспитание, таким образом, было включено в общую систему народного образования и подчинено ее принципам. А.В. Луначарский указывал, что, когда школа получает от современной пестрой, неустроенной жизни ребенка восьми лет, ей приходится биться при еще слабых воспитывающих силах над почти готовым “человеческим экземпляром”. “Социалистическое воспитание, - по его мнению, - может делать гигантские успехи, если оно будет брать детей в раннем дошкольном возрасте и методически правильно и классово продуманно воздействовать на них для того, чтобы выработать из них коллективно мыслящие и действующие существа”¹³².

В 1928 г. в Москве состоялся **Первый Всесоюзный педологический съезд**, на котором был сформулирован своеобразный “социальный заказ” по воспитанию “нового человека”. **Н.И. Бухарин**, в частности, определил его следующим образом: “Нам нужны люди трезвые, дельные, энергичные, умеющие считать время и добиваться максимального эффекта, ищущие новых и новых усовершенствований, люди с твердыми ногами, с литыми мускулами, идущие к раз поставленной цели”¹³³.

Подытоживая взгляды российских марксистов по проблеме воспитания “нового человека”, отметим основные составляющие их теорий. В основе процесса воспитания находился труд и политехническое обучение. Признавалась также необходимость умственного, физического и нравственного воспитания. Последнее должно было базироваться на идеях материализма, коллективизма, интернационализма. Только таким образом воспитанный человек был, по мнению идеологов, способен осуществить идеи революции, построить новое общество.

С точки зрения идей гармонического развития, формирования всесторонне развитой личности, незашоренной навязанной идеологией, эти взгляды вряд ли могут быть признаны верными. Не случайно поэтому далеко не все российские педагоги, даже в послереволюционный период, разделяли теоретические установки партий-

---

¹³² Луначарский А.В. О воспитании и образовании. С. 320.

¹³³ Цит по: Фрадкин Ф., Плохова М. История расправы с педологией // Воспитание школьников. 1991. №6. С.21.

ной верхушки. Однако в них, несомненно, было рациональное зерно. Оно было связано с отношением новой власти к процессу воспитания, пониманием его огромной роли в обществе. Что касается основных составляющих этого процесса, то они тоже вполне могут быть применимы при условии избавления от политизации. Но в этом случае все они теряют тот смысл, который в них вкладывался советскими идеологами.

На сегодняшний день проблема воспитания детей тоже стоит очень остро. Как и в послереволюционный период, ведутся споры о том, что нужно воспитывать в детях – доброе и вечное или максимальную приспособленность к жизни в конкретных условиях? Вопрос остается открытым.

Таким образом, теоретические программы российских марксистов, основанные во многом на идейном наследии К. Маркса и Ф. Энгельса, предполагали осуществление целого комплекса мероприятий, направленных на решение “женского вопроса”, реформирование системы социальной защиты материнства и детства. После свершения социалистической революции и уничтожения частной собственности – обязательных условий всех дальнейших преобразований, выделялись следующие задачи в данной области: привлечение женщин к активному участию в экономической, политической и общественной деятельности, а также воспитание полноценного, здорового поколения, способного воплотить в жизнь намеченные революционные преобразования. Для того, чтобы совместить выполнение данных задач, планировалось ввести меры по охране женского труда, изменить прежние семейные устои, домашний быт, организовать сеть учреждений, полностью или частично заменяющих семью. Данные теоретические установки и легли в основу государственной политики по социальной защите материнства и детства, попытка осуществления которой была предпринята в послереволюционной России. Следующим этапом стало их законодательное закрепление.

Глава 2. Новое советское законодательство по проблемам социальной защиты материнства и детства. 1917 – 1920-е годы

С первых дней после свершения Октябрьской революции 1917 г. советское правительство начинает предпринимать активные действия по реформированию старой законодательной системы. Коренные преобразования затрагивали все важнейшие сферы жизни общества и, конечно, социальную сферу, а также ее составную часть - социальную защиту материнства и детства. Правовые реформы в этой области можно подразделить на несколько групп, наиболее значимыми из которых являлись: реформы семейного законодательства, трудового права в области охраны материнства и младенчества; создание законодательной базы для формирования системы социальной защиты детей.

2.1. Реформы семейного права

Преобразования семейного права являлись в тот период назревшими и крайне необходимыми мерами. В дореволюционной России брак признавался законным только при условии освящения его церковью. Не разрешались браки людей православного и католического вероисповедания с нехристианами, осуждались браки без согласия родителей. Военнослужащие и чиновники обязаны были иметь разрешение на вступление в брак от своих начальников. Запрещалось вступление в брак в четвертый раз¹. Развод тоже могла разрешить только церковь, а она, как правило, была против разводов. Католическая церковь их совсем не давала, а православная разрешала в случаях доказанного прелюбодеяния одного из супругов, природной неспособности к брачному сожитию, приговора к уголовному наказанию с лишением всех прав состояния, а также безвестного отсутствия не менее 5 лет. Иногда учитывались

---

¹ Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР. С. 189.

тяжелые болезни мужа или жены (сумасшествие, проказа, сифилис), но никогда не принимались во внимание личные склонности².

Законодательство царской России в области семейно-брачных отношений было проникнуто духом средневекового домостроя. “Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, - говорилось в **Своде законов Российской империи**, - пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность”³. Женщина даже не имела своего паспорта и была вписана в паспорт мужа. В случае, если жена по каким-либо причинам решала уйти от мужа, он имел право требовать ее возвращения через полицию⁴.

Несмотря на теоретическое признание возможности развода, последний был делом достаточно редким. Многие не решались на развод из-за публичного рассмотрения интимных сторон жизни при бракоразводном процессе, а также из-за его дороговизны. Приходилось считаться и с общественным мнением: к женщине, ушедшей от мужа, как правило, относились с презрением, а ее родители считали этот поступок позором для семьи. Меньшая экономическая обеспеченность женщин, трудности содержания детей без поддержки мужа тоже являлись серьезным препятствием для женщин решиться на развод и устроить жизнь в соответствии со своим желанием.

В 1916 г. В.И. Ленин писал: “Пример развода наглядно показывает, что нельзя быть демократом и социалистом, не требуя сейчас же полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть сверхпритеснение угнетенного пола, женщины...”⁵

В числе первых декретов Советской власти были **декреты ВЦИК и СНК “О гражданском браке” и “О расторжении брака”**, принятые в декабре 1917 г.⁶ Отныне законной считалась лишь гражданская регистрация брака в государственном учреждении (ЗАГСе). Церковная брачная церемония не запрещалась, но такой

---

² Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР.

³ Цит. по: Бильшай В. Решение женского вопроса в СССР. М., 1956. С. 62.

⁴ Там же.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 125.

⁶ Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. (СУ РСФСР). 1917. №10. Ст. 152; №11. Ст. 160.

браки законами не учитывались и никаких прав супругам не давал. Исключение составляли лишь церковные браки, заключенные до издания данных декретов - они продолжали считаться законными. Основным принципом брака провозглашалась добровольность. Никаких ограничений для вступления в брак, кроме возраста (мужчины - с 18 лет, женщины - с 16 лет), родственных связей и психических болезней, не устанавливалось. Как церемония бракосочетания, так и процедура развода значительно упрощались. Для расторжения брака, например, никаких условий не выдвигалось, никаких объяснений не требовалось, и оно беспрепятственно оформлялось в отделе расторжения браков (при желании обоих супругов) или судьей (при желании одного из супругов). Важным моментом новых законов была также отмена понятия "незаконно-рожденный ребенок". Все дети, как рожденные в браке, так и вне брака, приобретали одинаковые права.

В октябре 1918 г. был издан **первый Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве**, который подтвердил все основные положения декретов 1917 г. и законодательно оформил многие другие стороны семейно-брачных отношений⁷. Этот кодекс устанавливал в семье полное равноправие супругов. Впервые женщина, вступающая в брак, могла сохранять свою фамилию, иметь отдельное от мужа место жительства, распоряжаться своими доходами, а в случае развода в равной степени претендовать на семейную собственность.

Кодекс устанавливал новые взаимоотношения не только между супругами, но и между родителями и детьми. Вместо института родительской власти законодательное оформление получили взаимные права и обязанности родителей и детей. Так, например, родители обязаны были заботиться "о личности несовершеннолетних детей", об их воспитании и подготовке к общественно полезной деятельности. Подчеркивалось, что родительские права должны осуществляться исключительно в интересах детей, в противном случае, суду предоставлялась возможность лишения родителей их прав. Как родители, так и дети обязывались оказывать друг другу материальное обеспечение в периоды нетрудоспособности, вплоть

---

⁷ СУ. 1918. № 76-77. Ст. 818.

до взыскания его судебным порядком. Лишение родительских прав также не освобождало родителей от издержек на содержание детей.

С момента издания кодекса запрещалось усыновление детей. Вместо этого вводилось так называемое опекунское право - подробно регламентировалась деятельность органов опеки и попечительства, права и обязанности опекунов и подопечных. По данному кодексу каждый гражданин РСФСР, назначенный отделом социального обеспечения опекуном, обязан был принять опеку и исполнять ее безвозмездно. От принятия этих обязанностей мог отказаться лишь тот, кому исполнилось 60 лет, кто “вследствие телесного недостатка мог бы лишь с трудом исполнять должность опекуна”, кто имел более 4-х детей и, наконец, кто уже заведовал индивидуальной или коллективной опекой. Назначалась опека над несовершеннолетними детьми, не находящимися на попечении родителей, а также над душевнобольными и предполагала, как правило, наличие у подопечного какого-либо имущества, из доходов которого и покрывались затраты на его обеспечение и воспитание. Принимая во внимание ряд факторов, связанных с имущественным положением опекуна, отдел социального обеспечения также мог назначить опекуну вознаграждение или своеобразную компенсацию некоторых расходов по осуществлению опеки. Попечительство назначалось для отдельных сделок или для управления имуществом по ходатайству самого несовершеннолетнего.

В целом кодекс 1918 г. был, безусловно, прогрессивным, но, возможно, несколько не продуманным до конца. Несмотря на провозглашенное равенство супругов, реально женщина не могла стать равноправной по одному лишь взмаху пера. Как и раньше, она была менее образованна, экономически зависима от мужчины, сохранялся и традиционный взгляд на ее роль в семье. В.И. Ленин, неоднократно подчеркивая в своих работах, что “мы не оставили камня на камне от тех подлых законов о неравноправии женщины”⁸, между тем отмечал, что, несмотря на все освободительные законы, “женщина продолжает оставаться домашней рабыней..., ибо ее давит, душит, оупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство...”⁹. Но дело было не только в обременительном домашнем хо-

---

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 23.

⁹ Там же. С. 24.

зйстве, которое невозможно было мгновенно перестроить в общественное, сами новые законы, проводимые в разрушенной революцией и гражданской войной стране, на первых порах не только не улучшили положение женщины, а, напротив, сделали его еще более тяжелым. Приобретая “бумажную” свободу в браке, женщина сталкивалась с реальными трудностями в результате легко получаемого развода. Государство же не имело возможности взять под свою защиту всех одиноких матерей.

Часть кодекса, касающаяся взаимоотношений родителей и детей, также содержала как прогрессивные, так и явно недоработанные моменты. Большое значение имела, например, возможность государства контролировать соблюдение прав и обязанностей между родителями и детьми. Но, с другой стороны, существенным недостатком являлось запрещение усыновлений, которое в условиях роста детской беспризорности было просто недопустимым. Точно так же упорядочение института опеки было, безусловно, важным и назревшим мероприятием, но из-за отсутствия материальных стимулов для опекунов эта практика не могла получить широкого распространения и хотя бы частично решить проблему беспризорности.

В первые послереволюционные годы очень остро стояла еще одна проблема – планирование семьи. 18 ноября 1920 г. Наркоматами здравоохранения и юстиции было принято важное постановление, согласно которому в стране впервые был легализован аборт. В законе эта мера мотивировалась безрезультатностью осуществления репрессий в данной области, а также “тяжелыми экономическими условиями настоящего и моральными пережитками прошлого, которые еще вынуждают часть женщин решаться на эту операцию”¹⁰.

Следует отметить, что действительно во всех европейских странах в конце XIX - нач. XX в., несмотря на запрещающие санкции, произошло резкое увеличение количества сделанных аборт. По данным Петроградской клиники, например, в 1896 г. 12% всех поступивших в нее пациентов составляли женщины с последствиями аборта, а в 1909 г. - до 30%¹¹. Статистика показывает, что

---

¹⁰ СУ. 1920. № 30. Ст. 471.

¹¹ Материалы I Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. М., 1921. С. 52.

примерно 4 - 5% от общего количества абортс заканчивались смертью женщины, не считая серьезных заболеваний¹². И все же многие, как в правительственных кругах, так и среди населения, оценивали легализацию аборта негативно, рассматривая ее как отступление от общей системы охраны материнства и детства. Профессор Н.К. Кольцов, например, писал, что искусственное сокращение деторождения является одной из основных причин, из-за которой в истории гибели целые культурные нации. “Перед величайшей социальной опасностью распространения системы абортс, - отмечал он, - государство вправе забыть об эгоистическом стремлении отцов и матерей освободить себя от заботы о потомстве”¹³. Государство должно, по его мнению, всеми силами бороться с распространением аборта в широких слоях русского общества и, особенно, “в наиболее культурных”, где аборт сокращает рождаемость “наиболее одаренных представителей расы”¹⁴.

Большинство же считало, что легализация аборта - вынужденное и необходимое в переходный период зло, надобность которого при благоприятных экономических условиях должна исчезнуть. Говорилось о том, что если нет возможности уберечь тех погибающих младенцев, которые не рождаются на свет, то нужно думать, по крайней мере, о здоровье матерей. “Нужно их вырвать из лап невежественных шарлатанов..., нужно сохранить женщину, как носительницу потенциальной энергии класса, как мать-производительницу”¹⁵. В течение всех 1920-х годов аборт был разрешен, его запретили уже в 1936 году “в связи с улучшением условий жизни”¹⁶.

В конце 1925 г., по инициативе ВЦИК, в стране началось обсуждение **нового Кодекса законов о браке, семье и опекуном праве**. Необходимость массовой дискуссии мотивировалась, с одной стороны, возросшей активностью советского населения, а с

---

¹² Материалы I Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. С. 52.

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 54.

¹⁶ Осипович Т. Проблемы пола, брака, семьи и положения женщины в общественных дискуссиях 1920-х годов // Общественные науки и современность. 1994. №1. С. 167.

другой - его глубокой заинтересованностью в решении данного вопроса. В течение целого года проект обсуждался на партийных, рабочих, крестьянских собраниях, на страницах советской прессы, а затем, с некоторыми поправками и дополнениями, был принят и введен в действие с 19 ноября 1926 г.¹⁷.

Новый кодекс еще более упростил процедуру развода, изменил возраст женщин, вступающих в брак: раньше он составлял 16 лет, а теперь был повышен до 18 лет, но главное отличие нового семейного законодательства от предшествующего ему кодекса 1918 г. заключалось в признании фактических браков. Зарегистрированные и незарегистрированные, но фактически существующие браки были уравнены и давали супругам одинаковые права. Этот закон не только подтверждал уже существующее равенство прав брачных и внебрачных детей, в том числе в плане обеспечения их при разводе родителей, но и вводил ряд новых положений. До 1926 г. женщины при разрыве фактических браков не имели никаких прав на помощь, а теперь новый кодекс обязывал мужчин в течение года помогать бывшим женам, если они в этом нуждались по безработице, болезни или другим причинам. Жены тоже должны были оказывать подобную помощь своим бывшим мужьям. Кроме того, новый кодекс приравнивал труд женщин в домашнем хозяйстве и уход за детьми к труду мужчин в общественном производстве и ввел общность имущества, нажитого в период брака (в прежнем кодексе было записано, что брак не создает общности имущества супругов). При разводе или разрыве фактического брака это имущество поровну делилось между мужем и женой.

Принятие данных законов, направленных на защиту экономических интересов женщины, состоящей в незарегистрированном браке, было вызвано широким распространением таких брачных союзов как в годы военного коммунизма, так и НЭПа. Этому способствовал целый ряд факторов: ломка института традиционной семьи, пропаганда новых социальных ценностей, экономическая разруха, рост безработицы (особенно женской), дисбаланс в численности мужчин и женщин. Однако, во время обсуждения кодекса, именно этот комплекс законов вызвал наибольшее сопротивление. Многие считали, что предложенные меры будут поощрять

---

¹⁷ СУ. 1926. № 82. ст. 612.

распушенность и безответственность, а также принесут ущерб благосостоянию зарегистрированных семей. Критике подвергалась также экономическая сторона алиментной проблемы. Часто подчеркивалось, что, стремясь защитить интересы матери и ребенка, новый закон лишь способствует возникновению малоимущих семей, полностью зависящих от неадекватной помощи мужчины¹⁸.

В связи с подобными оценками, законодатели вынуждены были дать определение незарегистрированного брака, которое в первоначальном проекте отсутствовало. Статья 12 нового кодекса предлагала примерный перечень доказательств брачных отношений. Ими являлись “факт совместного сожительства, наличие при этом сожительстве общего хозяйства и выявление супружеских отношений перед третьими лицами в личной переписке и других документах; взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей”¹⁹.

Особенно много нареканий новые законы вызвали в крестьянской среде. Как известно, основную роль в крестьянском хозяйстве играла не собственность семьи, а собственность двора, в состав которого входило несколько семей, связанных узами родства. Раздел имущества при разводе или взыскивание алиментов с одного человека “наказывали” всех членов двора, не имеющих к разводу никакого отношения. Член ВЦИК крестьянин А. Платов во время обсуждения нового кодекса высказался об этом так: “Крестьянское население еще крепко держится за брак религиозный, и брак в крестьянском быту является еще не игрушкой, которую сегодня можно создать, а завтра или через неделю разрушить. Новый проект закона - проект многобрачия и многоженства - в деревне считается беззаконием”²⁰.

Учитывая настроения крестьянства, необходимость обеспечения матерей и детей в случае разводов, а также нежелательность дробления крестьянского хозяйства, в Семейном кодексе 1926 г. была предусмотрена особая статья, регулирующая порядок взыска-

---

¹⁸ Осипович Т. Проблемы пола, брака, семьи и положения женщины в общественных дискуссиях 1920-х годов // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 163.

¹⁹ СУ. 1926. № 82. Ст. 612. §12.

²⁰ Цит. по: Осипович Т. Указ. соч. С. 163.

ния алиментов с крестьян. В ней говорилось, что размер алиментов должен определяться не хозяйством семьи в целом, не размером земельного участка, не количеством скота и инвентаря, а только долей ответчика на продуктовые и денежные доходы хозяйства²¹. Что касается разделов земледельческих хозяйств, то они четко регламентировались Земельным кодексом, принятым еще в 1922 г.²² В нем предусматривались условия, при которых допускался раздел двора, устанавливался порядок определения местными властями норм недробимости хозяйств, выплаты компенсаций выходящим из двора членам.

Возвращаясь к Семейному кодексу 1926 г., следует выделить еще один важный аспект: разрешение усыновлений, запрещенных кодексом 1918 г. Более точной датой разрешения усыновлений является 1 марта 1926 г., когда еще до появления кодекса, был принят соответствующий декрет ВЦИК и СНК²³. Новый кодекс несколькими месяцами позднее лишь подтвердил законность этой меры. Усыновление допускалось только в отношении малолетних и несовершеннолетних детей и, как подчеркивалось, исключительно в интересах усыновленных. Более детально, чем в предыдущем кодексе, были также разработаны положения об опеке. В частности, допускалось назначение опекуну или попечителю вознаграждения, извлекаемого из дохода имущества подопечного и не превышающего 10% этого дохода. Но при отсутствии имущества (что было значительно чаще), опекуну гарантировалось лишь частичное покрытие расходов на содержание подопечного, каких-либо других льгот не предусматривалось. В качестве некоторого положительного момента, можно отметить установление более четкого контроля за осуществлением опеки, по крайней мере, на законодательном уровне.

Таким образом, Семейный кодекс 1926 г. был, на наш взгляд, более приближен к реальной действительности, чем предшествующий ему документ, но в то же время содержал свои недоработки и недостатки. Они были связаны, в частности, с легкостью развода безо всяких условий и ограничений, с недооценкой значения института опеки.

---

²¹ СУ. 1926. № 82. Ст. 612. §56.

²² СУ. 1922. № 68. Ст. 901.

²³ СУ. 1926. № 13. Ст. 101.

В целом новое семейное право вводило по-настоящему революционные изменения в прежний уклад семейной жизни. С точки зрения законов, женщина становилась полностью равноправной по отношению к своему мужу. Как заключение брака, так и расторжение его, становилось делом совершенно свободным, основанным на добровольном решении. Женщина, вступающая в брак, могла сохранять свою фамилию, иметь отдельное от мужа место жительства, в случае развода претендовать на половину имущества, нажитого в браке. По Семейному кодексу 1926 г. официальное признание получили также незарегистрированные, но фактически существующие браки. Они давали супругам те же права, что и в случае регистрации брака.

Большое внимание в советских законах уделялось отношениям родителей и детей. Их взаимные права и обязанности четко регламентировались. В частности, родителей могли лишить их прав, в случае неисполнения прямых обязанностей. Вводился целый ряд положений об опеке и попечительстве над детьми, не имевшими родителей. Данные меры по Кодексу 1918 г. должны были заменить собой усыновление. Позднее, с 1926 г., оба процесса: и опека, и усыновление признавались законными.

Эти первые законы, конечно, были далеки от идеала. Целый ряд мер был недоработан (положения об опеке) или излишне радикален (свобода развода безо всяких ограничительных мер). Многие из них на первых порах негативно воспринимались общественным мнением, особенно среди крестьян. Требовалось время, чтобы эти законы “прижились” и стали реально действовать. И все же основная часть данных правовых актов была несомненно прогрессивной. До сих пор семейное право в значительной степени строится на тех основах, которые были заложены в первые послереволюционные годы. И то, что сегодня считается обычной нормой, тогда являлось революционным прорывом.

2.2. Трудовое законодательство: охрана женского труда

Кроме нового семейного права, большое значение в деле охраны материнства и детства имела также реформа трудового законо-

дательства. В дореволюционный период эта проблема стояла крайне остро. Для работающих женщин законом 1912 г. предусматривались лишь права на 4-недельный отпуск после родов и получение денежного пособия. Однако и эти меры применялись лишь к застрахованным в больничных кассах работницам на предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности. Рабочий день как мужчин, так и женщин составлял в среднем 10 часов, широко применялись сверхурочный, ночной женский труд, работа во вредных отраслях производства.

Как уже отмечалось выше, теоретические установки российских марксистов не предусматривали полного освобождения женщины-матери от производительного труда. “Не в этом наш идеал, - отмечал С.Ю. Каплун, - и разумеется не только потому, что сейчас разруха, а потому, что этого требует правильное понимание экономического развития всего общества”²⁴. А.М.Коллонтай также, не без гордости, писала, что женщина “признана равноценной с мужчиной трудовой единицей при учете всех наличных средств народного хозяйства”. Но, с другой стороны, женщина еще должна была быть матерью или, словами А.М. Коллонтай, “являться поставщицей новых трудовых сил для дальнейшего созидания хозяйства и строительства ясного лучшего будущего”²⁵. Конкретные требования по улучшению положения женщин в области трудового права, позволяющие совмещать производительный труд с материнством, были включены в программы, принятые на II съезде РСДРП в 1903 г. и на VIII съезде РКП(б) в 1919 г., а также получили реальное воплощение в послереволюционной действительности. Так, уже **29 октября 1917 г. постановлением правительства** был установлен 8-часовой рабочий день для всех трудящихся, введено запрещение на сверхурочный, ночной труд женщин, их работу под землей²⁶.

Далее, в декрете “О страховании на случай болезни” от **22 декабря 1917 г.** и более детально в “Положении о социаль-

---

²⁴ Материалы I Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. С. 79.

²⁵ Там же. С. 27.

²⁶ СУ. 1917. № 1. Ст. 7.

ном обеспечении трудящихся” от 31 октября 1918 г.²⁷, предусматривался целый комплекс мер по охране материнства. Это прежде всего отпуска по беременности и родам в течение 8 недель до и 8 недель после родов для женщин, занимающихся физическим трудом, а для прочих работающих женщин - 6 недель до и 6 недель после родов. Во время указанных отпусков предполагалась выплата пособий в размере полного заработка женщины. Кроме этого, устанавливалось пособие кормящим матерям в размере 1/4 заработка на срок 7 месяцев (после прекращения выдачи пособия как роженице), а также - дополнительное пособие на предметы ухода за ребенком. Кормящей матери предоставлялось право на перерыв в работе для кормления ребенка каждые 3 часа; продолжительность рабочего дня для этих женщин не должна была превышать 6 часов в течение 9 месяцев после родов.

В 1918 г. начал действовать первый **Кодекс законов о труде**, который запрещал применение труда женщин “в отраслях, особо тяжелых или опасных для здоровья”, а также подтверждал ранее принятые положения по охране материнства²⁸.

Следует отметить, что уже первые попытки осуществления данных правовых актов привели к значительным трудностям. Например, нельзя было полностью соблюдать закон о запрещении ночного труда. На предприятиях, работавших в три смены, на телефонном узле, телеграфе, железных дорогах, в медицинских учреждениях невозможно было всех женщин заменить мужчинами. С другой стороны, жесткое соблюдение этого закона ухудшило бы положение самих женщин, усилив женскую безработицу, последствия которой были еще тяжелее, чем ночной труд. 4 октября 1919 г. вышло несколько смягчающее ситуацию постановление НКТ “О ночной работе женщин”, в котором в исключительных случаях временно разрешалась работа женщин в ночную смену в некоторых отраслях народного хозяйства “по предварительному представлению соответствующего профсоюза, утвержденному НКТ”²⁹. Вслед за временным разрешением ночных работ, вышло

---

²⁷ СУ. 1918. № 13. Ст. 128; № 89. Ст. 906.

²⁸ СУ. 1918. № 87/88. Ст. 905.

²⁹ СУ. 1919. № 48. Ст. 470.

постановление НКТ и о временном разрешении сверхурочных работ женщин - “ввиду особо тяжелых условий момента”³⁰.

В этот период законодательно оформляется также более осторожный подход к осуществлению всеобщей трудовой повинности, провозглашенной с осени 1918 г. По постановлению от 23 марта 1920 г., к трудовой повинности разрешалось не привлекать мужчин моложе 16 лет и старше 50 лет, женщин моложе 16 лет и старше 40 лет, беременных женщин за 8 недель до родов и рожениц 8 недель после родов, кормящих матерей, женщин, имеющих детей до 8 лет, при отсутствии лица, ухаживающего за ними, или обслуживающих в домашнем хозяйстве семью из 5 и более человек³¹. Эти меры были крайне необходимыми в условиях медленного складывания системы социальной защиты материнства и детства, но реально очень многие женщины, относившиеся к той или иной названной группе, все равно стремились найти работу в связи с тяжелым материальным положением большинства семей.

В 1920 - начале 1921 гг. продолжалась законодательная разработка трудовых прав женщины-матери. В это время были приняты постановления, предусматривавшие ряд льгот для беременных и кормящих грудью женщин. Так, кормящим матерям предоставлялось преимущественное право на получение работы в учреждениях или на предприятиях вблизи их места жительства, а также право перехода на соответствующую работу в другое учреждение или на предприятие, находившееся не далее 2-х верст от дома³². Для работающих беременных женщин, кормящих матерей и женщин, имеющих детей моложе 8 лет при отсутствии другого ухаживающего за ними лица, запрещались всякие перемещения и командировки, связанные с необходимостью оставления постоянного места жительства, без их на то согласия³³. Кроме того, налагался запрет на сверхурочную работу для занимающихся физическим трудом беременных женщин, начиная с 5-го месяца беременности, и для кормящих матерей³⁴.

---

³⁰ СУ. 1919. № 65. Ст. 587.

³¹ СУ. 1920. № 24. Ст. 116.

³² СУ. 1920. № 89. Ст. 456.

³³ СУ. 1920. № 91. Ст. 477, 1921. № 40. Ст. 218.

³⁴ СУ. 1920. № 91. Ст. 477.

На состоявшемся в декабре 1920 г. Первом Всероссийском совещании по охране материнства и младенчества обсуждались первые итоги деятельности государства в данной области. По вопросу разработки законодательства отмечалось, что наибольшую трудность представлял процесс осуществления принятых законов. Статистика охраны труда, как говорилось в докладе В.П. Лебедевой (заведующей отделом охраны материнства и младенчества Наркомздрава), показывала, что далеко не все фабричные работницы пользовались своим неотъемлемым правом на отпуск: 8 недель до родов и 8 недель после родов, - “постановления, декретированные еще два года тому назад, не проводятся в жизнь, можно себе представить, какова судьба постановлений позднейших лет”³⁵.

Некоторый выход из такого положения многие выступавшие видели в деятельности санитарной инспекции на предприятиях. 15 января 1920 г. Народными комиссариатами труда и социального обеспечения было принято специальное постановление, регулирующее деятельность санитарных инспекций³⁶. В их задачи входило обследование предприятий, физического состояния рабочих, охрана труда, наблюдение за исполнением требований по защите материнства и младенчества, содействие в организации детских учреждений.

С 1921 г. начался переход к новой экономической политике, существенным образом повлиявшей и на социальную сферу. На смену единому и равному для всех граждан социальному обеспечению приходит система различных форм обеспечения для отдельных социальных групп. Вводится социальное страхование рабочих, обязательная взаимопомощь крестьянства и лиц самостоятельного труда; государственное обеспечение было сохранено только для инвалидов войны и семей красноармейцев.

В течение 1921 г. появился ряд постановлений правительства, подтверждавших ранее вышедшие законы по охране материнства и младенчества, но выплату необходимых пособий по беременности и родам, кормящим матерям, на предметы ухода за ребенком теперь предлагалось производить в порядке социального страхова-

---

³⁵ Материалы I Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. С. 14.

³⁶ СУ. 1920. № 40-41. Ст. 181.

ния³⁷. Безусловно, предприятия и учреждения не могли мгновенно переключиться на новую систему обеспечения. Ситуация, когда уже не работала старая государственная система социального обеспечения, а новая еще до конца не сложилась, была очень сложной и приводила к задержкам выплат пособий или даже к их отсутствию. 12 января 1922 г. был принят декрет СНК, регулирующий ситуацию с данными выплатами. В нем говорилось, что “впредь до фактического введения социального страхования на дополнительные виды социального обеспечения”, они должны выплачиваться “непосредственно предприятиями и учреждениями за их счет”³⁸.

Значительные трудности создавала также выросшая в 1921 г. безработица. Наиболее сильно ее последствия отразились на женщинах, составивших подавляющее большинство безработных. Массовое сокращение женщин с предприятий в течение 1921 – 1924 гг. было связано, с одной стороны, с демобилизацией армии, которая освободила около 4 млн. чел.³⁹, а с другой стороны, с самой новой экономической политикой - предоставлением предприятиям определенной степени самостоятельности, введением хозрасчета. Женщины при этом увольнялись как менее ценных работников, имевших низкую квалификацию и образовательный уровень.

В 1922 г. было разработано совместное постановление Наркомтруда, Наркомсобеса, ВСНХ, ВЦСПС, несколько ограничивающее увольнение женщин и защищающее права работающих матерей⁴⁰. В нем говорилось, что при сокращении штатов женщины, имеющие одинаковую с мужчинами квалификацию и исполняющие такую же работу, могут увольняться на общих основаниях. Исключение допускалось лишь для одиноких женщин, имеющих детей до 1 года - для них предусматривалось предпочтение перед прочими рабочими и служащими в смысле оставления их на работе. Уволенные одинокие женщины, а также их малолетние дети не подлежали выселению из занимаемых ими жилых помещений. И, наконец, дети уволенных женщин оставались в детских учрежде-

---

³⁷ СУ. 1921. № 8. Ст. 53; № 79. Ст. 668; № 79. Ст. 682.

³⁸ СУ. 1922. № 6. Ст. 64.

³⁹ Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР. С. 117.

⁴⁰ СУ. 1922. № 18. Ст. 203.

ниях, находившихся на содержании тех предприятий и учреждений, из которых произошло увольнение матери, вплоть до поступления ее на другую работу. Однако, как уже отмечалось, основная масса женщин имела более низкую квалификацию, по сравнению с мужчинами, поэтому и после выхода данного постановления именно женщин продолжали увольнять в первую очередь.

С 15 ноября 1922 г. начал действовать **новый Кодекс законов о труде**⁴¹, который включил в себя все изменения, которые произошли в законодательстве со времени принятия Трудового кодекса 1918 г. Новый кодекс подтверждал запрещение труда женщин на особо тяжелых и вредных для здоровья производствах, на подземных работах. За некоторым исключением, женщины не допускались к производству ночных работ, запрещалась ночная и сверхурочная работа беременных и кормящих грудью женщин, закреплялось право женщин на получение оплачиваемого отпуска по беременности и родам (в течение 8 недель до и 8 недель после родов - для женщин, занятых физическим трудом, для прочих - в течение 6 недель до и 6 недель после родов). Выдача пособий: по беременности и родам - в размере средней месячной зарплаты; на кормление ребенка - в размере 1/4 зарплаты в течение 9 месяцев со дня рождения ребенка; единовременного дополнительного пособия на предметы ухода за новорожденным - в размере месячной зарплаты, устанавливалась из фондов социального страхования. Для осуществления выдачи пособий предполагалось взимание страховых взносов. На государственных предприятиях такие взносы вычитались из зарплаты работников. Что касается предприятий и хозяйств, пользовавшихся наемным трудом, то они должны были вносить страховые взносы без права обложения страхуемого и без вычета их из заработной платы.

Названные законы по охране материнства и младенчества действовали практически без изменений в течение всего периода НЭПа. На протяжении 1922 - 1925 гг. вносились лишь небольшие поправки к кодексу, имевшие целью ограничение растущей женской безработицы. Так, женщины, находящиеся в отпуске по беременности и родам, не могли быть уволены по сокращению штатов; с

---

⁴¹ СУ. 1922. № 70. Ст. 903.

1925 г. НКТ разрешил применение ночного труда женщин, за исключением беременных и кормящих грудью⁴².

Новое трудовое законодательство было, бесспорно, огромным шагом вперед, по сравнению с аналогичными законами, действовавшими в дореволюционный период. И все же до реального облегчения положения женщин было еще очень далеко. Как уже отмечалось, не все принятые законы реально осуществлялись на практике. Особенно трудно было контролировать данные процессы в сельской местности, где можно было действовать практически только путем пропаганды. Кроме того, несмотря на ряд мер по охране женского труда, промышленное производство крайне неблагоприятно сказывалось на женском организме. Медицинские исследования 1920-х годов показывали, что среди женщин, работавших в промышленности, в 10 раз чаще наблюдалось заболевание малокровия, чем у мужчин⁴³. Сильное влияние оказывало производство и на способность женщины к деторождению. Врач Письменный провел исследование в Москве. Он разделил работниц на несколько групп в зависимости от стажа работы на фабрике, и оказалось, что в группе, состоящей из женщин, проработавших на фабрике от 7 до 15 лет, процент бесплодия выражался в 6%, тогда как меньший стаж работы – 1 - 2 года, давал и значительно меньший процент бесплодных женщин - 2,7%⁴⁴.

Многочисленные данные фабричных врачей из Владимирской, Костромской, Московской губерний показывали, что работа женщин на производстве существенным образом отражалась и на детской смертности. Так, в промышленных областях, несмотря на лучше организованное медицинское обслуживание, детская смертность была на 12 - 15% выше, чем в сельских округах, а внутри промышленных областей значительно выше в семьях работающих на производстве женщин, чем в семьях домохозяек (приблизительно на 35%)⁴⁵. В целом по стране это явление имело поистине угрожающие размеры и Россия продолжала удерживать печальную

---

⁴² Чирков П.М. Указ. соч. С. 114, 118.

⁴³ Материалы I Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. С. 80.

⁴⁴ Там же. С. 83.

⁴⁵ Там же. С. 83.

пальму первенства среди других европейских стран по смертности детей до одного года. Если до революции она составляла примерно 25 - 30%, то в послереволюционные годы колебалась от 20 до 40%⁴⁶. Максимальный рост детской смертности наблюдался в 1921 – 1922 гг.

Безусловно, детская смертность зависела от целого ряда политических, экономических, социальных факторов, но трудовое право также играло немаловажную роль. И хотя в направлении законодательной защиты работающей женщины-матери уже были сделаны определенные шаги, большинство врачей, выступавших на съездах и совещаниях различных уровней, считали их недостаточными. Действенное средство снижения детской смертности они видели в освобождении женщины от работы на весь период беременности и кормления ребенка с условием выплаты ей социальных пособий. Например, проф. Н.К. Кольцов писал: “Поддержать мать, дать возможность родить ребенка и воспитать его как следует - есть обязанность государства, т.к. женщина, рожающая ребенка, заботится о своей расе, несет труд в пользу расы. Как и всякий труд, его должно оплачивать, и для расы он может быть гораздо важнее, чем труд работницы где-нибудь в поле или на фабрике”⁴⁷. Но в политических кругах считали иначе. Преобладало мнение, которое достаточно емко выразил, в частности, С.Ю. Каплун: “Материнство - основная функция женщины. Для женщины материнство, как всякий физиологический процесс, является необходимостью, женщина должна рожать, это ясно. Нормальное материнство не есть болезнь, нормальное материнство и беременность не есть неспособность... Мы должны совершенно ясно смотреть вперед и сказать, что и сейчас, и в будущем женщины-беременные и женщины-матери должны будут работать”⁴⁸. Исходя из такой постановки вопроса, единственно возможным способом совместить труд и материнство считалось создание системы детских учреждений самых разных типов (яслей, детских садов, очагов, летних колоний, площадок, детских домов и др.), тем более, что эта мера

---

⁴⁶ Материалы I Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. С. 8.

⁴⁷ Там же. С. 48.

⁴⁸ Там же. С. 90, 79.

преследовала и еще одну цель - охрану детства, заботу о здоровье и воспитании подрастающего поколения.

Подводя итог, следует отметить, что советское трудовое законодательство, так же как и семейное, было нацелено на защиту прав женщины-матери. Признавая необходимость привлечения женщин к производительному труду, государственные органы должны были продумать способы совмещения этого труда с материнством. Поэтому целый ряд законов был направлен на то, чтобы освободить беременную женщину и женщину-мать от работы в наиболее тяжелый и ответственный для нее период (6 - 8 недель до и 6 - 8 недель после родов), гарантировать ей выплату необходимых пособий. Это была существенная помощь, особенно учитывая те условия, в которых она осуществлялась, а также сравнивая с до-революционным законодательством.

Однако и трудовое право содержало много недоработанных моментов. Исходя скорее из идеологических, а не практических соображений, в 1918 г. вводится всеобщая трудовая повинность, распространявшаяся и на женскую половину населения. В этом отношении вполне понятно желание власти как можно скорее уничтожить “паразитические элементы” в обществе и в русле этой идеи проводить конкретные шаги. С другой стороны, эта мера в условиях неразвитой социальной системы защиты материнства и детства могла иметь скорее негативные, чем положительные результаты. Но сгущать краски тоже не стоит. Суровая действительность и без всякой трудовой повинности заставляла большинство женщин искать себе работу. Кроме того, действие данного закона смягчало наличие безработицы в стране. На законодательном уровне целый ряд ограничений на действие трудовой повинности был введен в 1920 г.

К числу недоработанных, преждевременных законов можно также отнести положения о запрете ночного и сверхурочного женского труда. Реальное применение их на практике привело к временной отмене данных законов. Трудовое законодательство периода НЭПа, напротив, на наш взгляд, является недостаточно радикальным. Растущая женская безработица, например, требовала от государства более решительных шагов по ее сокращению, чем те, которые были реально сделаны. И, наконец, самая главная пробле-

ма состояла в воплощении принятых законов на практике. Действовали они далеко не все, не сразу и не в полном объеме. И это была та задача, которую еще предстояло решить.

2.3. Правовые основы охраны детства

Началом организационной перестройки деятельности по охране детства являлись ликвидация старых органов управления данной сферой и создание новых. В конце 1917 – начале 1918 гг. вышел целый ряд постановлений и декретов, которые законодательно оформили этот процесс. Так, дело воспитания и образования “в целях объединения и обновления его на началах новой педагогики и социализма” передавалось из духовного ведомства в **ведение Народного комиссариата просвещения**; церковь отделялась от государства, а школа от церкви⁴⁹.

Вместо упраздняемых Всероссийского попечительства по охране материнства, совета детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии, постоянной комиссии совета, хозяйственного комитета, комитета для сбора пожертвований⁵⁰, декретами **Наркомата государственного призрения**, учреждались Коллегия “по охране материнства, как социальной функции женщины и по охране младенчества, как прямой обязанности государства”, отдел по охране материнства и младенчества, а также отдел “призрения несовершеннолетних, обвиняемых в деяниях общественно-опасного характера”⁵¹.

Отменялись суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних правонарушителей до 17-летнего возраста. По декрету от 14 января 1918 г. документы о таких подростках передавались в Комиссию по делам несовершеннолетних, образованную при Наркомате государственного призрения⁵². В ведение этого Наркомата передавались также все учреждения “призрения несовершеннолетних и малолетних детей”, а в целях координации деятельности создавалась Коллегия призрения несовершеннолетних,

---

⁴⁹ СУ. 1917. № 9. Ст. 126; 1918. № 18. Ст. 263; № 28. Ст. 367.

⁵⁰ СУ. 1917. № 11. Ст. 165; 1918. № 16. Ст. 228.

⁵¹ СУ. 1917. № 13. Ст. 193; 1918. № 19. Ст. 287.

⁵² СУ. 1918. № 16. Ст. 227.

состоявшая из трех лиц - заведующего отделом охраны материнства и младенчества, заведующего отделом несовершеннолетних правонарушителей, заведующего приютами общего характера⁵³. Теперь все “большие и малые учреждения Наркомата государственного призрения, от воспитательных домов в столицах до скромных деревенских яслей сливались в одну государственную организацию, чтобы, составляя неразрывную связь с учреждениями, обслуживающими беременность и материнство, продолжать выполнение одной общей государственной задачи - воспитания сильных духовно и физически граждан”⁵⁴. Материальная основа создаваемой системы учреждений формировалась теперь не за счет благотворительности, как ранее, а путем государственного обеспечения.

В апреле 1918 г. Народный комиссариат государственного призрения был переименован в **Народный комиссариат социального обеспечения**, а Коллегия призрения несовершеннолетних - в отдел детских домов. Это было сделано ввиду того, что ранее существующие названия не соответствовали “социалистическому пониманию задач социального обеспечения” и являлись “пережитком старого времени, когда социальная помощь носила характер милостыни и благотворительности”⁵⁵.

Но на этом формирование государственных органов по охране материнства и детства не закончилось, скорее оно только начиналось. Функции трех Народных комиссариатов: социального обеспечения, просвещения и здравоохранения в названной области деятельности не только не были четко разграничены, но тесно переплетались между собой, дублируя или, напротив, оставляя без внимания какие-либо аспекты работы. На протяжении 1918 – 1921 гг. постоянно шло законодательное распределение функций этих Наркоматов, уточнение и согласование компетенций. Так, 20 февраля 1919 г. было принято постановление СНК о переходе “приютов и других детских учреждений с их помещениями и имуществом” из Наркомата социального обеспечения в Наркомат про-

---

⁵³ СУ. 1918. № 34. Ст. 453.

⁵⁴ Цит. по: Нечаева А.М. Правовая охрана детства в СССР. М., 1987. С. 18.

⁵⁵ СУ. 1918. № 22 Ст. 321; Социальное обеспечение за пять лет (30 апр. 1918 г. - 30 апр. 1923 г.). М., 1923. С.17.

свещения⁵⁶. Охрана материнства и младенчества также была изъята из ведения Наркомата социального обеспечения и декретом СНК от 9 марта 1920 г. передана **Наркомату здравоохранения**⁵⁷. Вслед за этим, 9 декабря 1920 г. Наркомпросу была передана опека, последняя область охраны детства, еще находившаяся под контролем Наркомата соцобеспечения⁵⁸.

Таким образом, к 1921 г. все руководство системой социальной защиты материнства и детства распределялось между двумя Наркоматами: просвещения и здравоохранения, функции которых по-прежнему уточнялись.

Из первоначального отдела детских домов Наркомата соцобеспечения в Наркомпросе было создано **Главное управление социального воспитания - Главсоцвос**, включающее несколько отделов, в том числе, дошкольный, охраны детства, подготовки педагогического персонала, опытно-показательных учреждений. Главсоцвос ведал всеми делами, связанными с воспитанием детей, подготовкой педагогических кадров, социально-правовой охраной несовершеннолетних, борьбой с детской беспризорностью, преступностью, организацией опеки над несовершеннолетними и руководством ею. В Наркомздраве для осуществления вновь переданных ему обязанностей по охране детства также были организованы соответствующие отделы: отдел охраны материнства и младенчества и отдел охраны здоровья детей. Первый занимался формированием сети учреждений для детей грудного возраста (от 0 до 1 года) и ясельного возраста (от 1 до 3-х лет): домов ребенка, домов матери и ребенка, яслей, детских консультаций; созданием системы патронажа. Сюда же входила организация родовспомогательных учреждений, консультаций для беременных женщин. Все остальные типы дошкольных учреждений находились в ведении дошкольного отдела Наркомпроса. Что касается отдела охраны здоровья детей и подростков, то в его функции входило руководство всем комплексом лечебно-оздоровительных мероприятий для детей: создание сети амбулаторий, санаториев, лесных школ и т.п., медицинское обследование воспитанников дошкольных учреждений, школ, дет-

---

⁵⁶ СУ. 1919. № 25. Ст. 288.

⁵⁷ СУ. 1920. № 19. Ст. 103.

⁵⁸ СУ. 1920. № 93. Ст. 506.

ских домов, рабочих подростков, определение слабых и больных детей в лечебные и оздоровительные учреждения.

15 сентября 1921 г. был принят декрет СНК, подытоживший названные структурные изменения⁵⁹. В нем говорилось, что все педагогические учреждения для детей и подростков находятся в ведении Наркомпроса; все профилактические, медико-педагогические и лечебные учреждения - в ведении Наркомздрава. При этом, на Наркомздрав возлагалась медицинская и санитарная часть работы учреждений Наркомпроса. И наоборот, педагогическая часть, снабжение учебными пособиями, школьным оборудованием учреждений здравоохранения - на Наркомпрос. Для разрешения вопросов смешанной компетенции - “для согласования медико-санитарных мероприятий с общим ходом педагогического процесса” был учрежден Совет охраны здоровья детей и подростков на паритетных началах представительства Наркомздрава и Наркомпроса с привлечением при необходимости представителей других ведомств.

Подобная структура государственных органов по охране материнства и детства была организована и на местном уровне. При центральных исполкомах Советов автономных республик, краевых, областных, губернских, уездных исполкомах были организованы отделы народного образования и здравоохранения, которые, в свою очередь, содержали ряд подотделов. Так, отделы народного образования включали в себя, в частности, подотделы социального воспитания, дошкольного воспитания; отделы здравоохранения - подотделы материнства и младенчества, охраны здоровья детей.

Созданная, таким образом, структура просуществовала практически без изменений в течение всех 1920-х годов. Однако данными органами власти далеко не исчерпывается весь перечень организаций, занимавшихся в этот период охраной материнства и детства. Сюда следует отнести еще целый ряд государственных (в том числе межведомственных) и общественных организаций. Среди первых необходимо назвать прежде всего Комиссию по делам несовершеннолетних и Детскую социальную инспекцию.

Как уже отмечалось, **Комиссия по делам несовершеннолетних** была создана в январе 1918 г. при Наркомате государственного

---

⁵⁹ СУ. 1921. № 65. Ст. 497.

признания, но затем в марте 1920 г. она была передана в ведение Наркомпроса⁶⁰. Необходимость создания данного органа была вызвана ликвидацией дореволюционной “исправительной” системы для несовершеннолетних преступников. После принятия 14 января 1918 г. соответствующего декрета СНК, период так называемого “полного психического невменения” за противозаконные деяния был увеличен с 10-летнего возраста, как было в старом уголовном законодательстве, до 17 лет⁶¹, а позднее - по декрету от 4 марта 1920 г. - до 18 лет⁶². Дела о несовершеннолетних правонарушителях должны были направляться в данную Комиссию, которая рассматривала их и определяла меру воздействия за тот или иной проступок. Как в центре - при Наркомпросе, так и на местах - при губернских и уездных ОНО, Комиссии по делам несовершеннолетних должны были состоять из обязательных представителей Наркоматов (или отделов) просвещения, здравоохранения, народного суда. В более поздних декретах - от 30 июля 1920 г.⁶³, 22 мая 1922 г.⁶⁴, 26 марта 1926 г.⁶⁵, представительство и функции Комиссии уточнялись. Так, первый из названных декретов предписывал иметь при Комиссиях соответствующий штат обследователей-воспитателей. Второй, расширяя представительство Комиссии, вводил в нее еще одного обязательного члена - от Наркомата внутренних дел, а также ряд членов с совещательным голосом - от ВЦСПС, ЦК РЛКСМ, отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б). Местные Комиссии должны были формироваться по такому же принципу.

Созданные Комиссии могли применять к несовершеннолетним целый ряд мер медико-педагогического характера: от внушения, передачи на поруки родственникам, устройства в школу или на работу до помещения в специализированные приюты, лечебно-воспитательные колонии, психиатрические лечебницы и даже передачи дела в суд - в случаях “упорных рецидивов, систематиче-

---

⁶⁰ СУ. 1918. № 16. Ст. 227; 1920. № 13. Ст. 83.

⁶¹ СУ. 1918. № 16. Ст. 227.

⁶² СУ. 1920. № 13. Ст. 83.

⁶³ СУ. 1920. № 68. Ст. 308.

⁶⁴ СУ. 1925. № 38. Ст. 267.

⁶⁵ СУ. 1926. № 19. Ст. 148.

ских побегов из детских домов, при явной опасности для окружающих оставления несовершеннолетнего на свободе”⁶⁶. Постановления Комиссий считались окончательными и дальнейшему утверждению не подлежали. Пересмотр решения был возможен только в случаях вновь открывшихся обстоятельств⁶⁷.

Близко по выполняемым функциям к Комиссии по делам несовершеннолетних стояла **Детская социальная инспекция**. В ее обязанности также входила борьба с беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних, защита прав последних. Детская социальная инспекция была создана 23 сентября 1921 г. и находилась в ведении Наркомпроса и местных отделов народного образования⁶⁸. Для осуществления названных функций законодательно закреплялись следующие направления деятельности этой организации: обследование семей, в которых обнаруживались случаи злоупотребления родительской властью, а также семей, имевших чужих детей, в том числе подопечных или патронируемых; обследование детских учреждений; возбуждение дел против лиц, обвиняемых в преступлениях против детей; привлечение общественности для проведения мероприятий по борьбе с детской беспризорностью⁶⁹.

Кроме постоянно действующих государственных организаций по охране материнства и детства, в 1920-е годы создавались также временные организации, включавшие в себя, в том числе, и названные функции. К такого рода органам можно отнести, в частности, Центральную комиссию помощи голодающим при ВЦИК и местные комиссии помощи голодающим, учрежденные 18 июля 1921 г., в связи с голодом в Поволжье, и призванные осуществлять поддержку как взрослого, так и детского населения районов, охваченных голодом: организовывать их снабжение (продуктами, медикаментами, предметами первой необходимости), проводить эвакуацию⁷⁰. Данные организации были распущены к 15 октября 1922 г., а вместо них создавались Центральная и местные комиссии

---

⁶⁶ СУ. 1920. № 68. Ст. 308.

⁶⁷ СУ. 1926. № 19. Ст. 148.

⁶⁸ СУ. 1921. № 66. Ст. 506.

⁶⁹ СУ. 1926. № 19. Ст. 143.

⁷⁰ СУ. 1921. № 55. Ст. 342.

для ликвидации последствий голода - осуществления реэвакуации, помощи беспризорным детям, содействия “восстановлению разрушенных хозяйств беженцев голода”⁷¹. Эти органы также просуществовали чуть меньше года и были ликвидированы к 1 августа 1923 г. “в связи с улучшением продовольственного и хозяйственного положения” бывших “голодных районов”⁷².

Значительную роль в организации социальной защиты детей сыграли межведомственные государственные организации. Первым таким органом стал Совет защиты детей, учрежденный постановлением СНК 4 января 1919 г., дабы “оберечь в опасное переходное время подрастающее поколение”⁷³. В Совет защиты детей вошли представители от целого ряда Наркоматов: просвещения, социального обеспечения, здравоохранения, продовольствия, труда. Председателем был назначен Нарком просвещения - А.В. Луначарский. В обязанности данной организации вменялось согласование деятельности государственных органов в целях “снабжения детей пищей, одеждой, помещением, топливом, медицинской помощью...”⁷⁴. Однако действовал Совет защиты детей недолго - всего два года, с 10 февраля 1921 г. его функции были переданы новой организации - **Комиссии по улучшению жизни детей**, созданной при ВЦИК, а затем и на местном уровне при исполкомах советов⁷⁵. Деткомиссия оценивала деятельность своего предшественника весьма негативно: “... за два года своего существования, - говорилось в ее докладе в апреле 1921 г., - Совет защиты детей растерял данные ему права и полномочия, из органа межведомственного, направляющего и толкающего работу ведомств в указанной области превратился в простой придаток Наркомпроса, толкающийся сам в различных ведомствах”⁷⁶. Именно этим, как считали члены Деткомиссии, и объяснялось его упразднение.

Задачи новой организации были практически те же: оказание помощи детям и, в первую очередь, беспризорным, путем “согла-

---

⁷¹ СУ. 1922. № 58. Ст. 731.

⁷² СУ. 1923. № 62. Ст. 585.

⁷³ СУ. 1919. № 3. Ст. 32.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ СУ. 1921. № 11. Ст. 75.

⁷⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 16 (об).

сования и объединения деятельности общественных организаций, ведущих борьбу с детской беспризорностью, с деятельностью соответствующих государственных органов, а также содействие работе этих организаций”⁷⁷. Для выполнения их Деткомиссия имела еще более широкое представительство и полномочия, чем Совет защиты детей. В ее состав входили 4 члена, назначенных Президиумом ВЦИК (в том числе председатель Деткомиссии и заместитель председателя) и по одному представителю от Наркомпроса, Наркомата соцобеспечения, Наркомата внутренних дел, Наркомфина, ОГПУ, ВЦСПС, ВЛКСМ, ЦБ пионеров, Женотдела ЦК ВКП(б), Российского общества Красного Креста⁷⁸; а с 1927 г., кроме названных, еще по одному представителю от Наркоматов просвещения, здравоохранения, юстиции, труда, Московского и Ленинградского обществ “Друг детей”, Комиссии по организации и распоряжению фондом имени В.И. Ленина⁷⁹. Столь представительная организация имела свои органы: пленум, президиум, секретариат и была наделена законодательной инициативой. “Постановления Деткомиссии при ВЦИК и местных деткомиссий по вопросам организации работы по улучшению жизни детей считаются окончательными и производятся в исполнение немедленно”⁸⁰. Председателем Деткомиссии при ВЦИК был назначен Ф.Э. Дзержинский. Структура, состав, права и обязанности местных деткомиссий были идентичны центральной.

Для осуществления намеченных целей и задач деткомиссии должны были иметь также свои денежные фонды. Они формировались не столько за счет государственных субсидий, которые были минимальными, сколько за счет добровольных пожертвований, собираемых деткомиссиями, доходов от организуемых ими вечеров, базаров, спектаклей, концертов и т.п., поступлений от добровольного общества “Друг детей”⁸¹.

Следует отметить, что последняя организация, возникшая во второй половине 1920-х годов, была практически единственным

---

⁷⁷ СУ. 1926. № 19. Ст. 143.

⁷⁸ СУ. 1925. № 8. Ст. 57.

⁷⁹ СУ. 1927. № 61. Ст. 422.

⁸⁰ СУ. 1925. № 8. Ст. 57.

⁸¹ СУ. 1925. № 8. Ст. 57.

крупным общественным объединением, которое имело целью помощь детям и поддерживалось государством. Ранее предпринимавшиеся попытки формирования подобного общества заканчивались неудачно. Например, осенью 1918 г. во многих городах на общественных началах стала создаваться “Лига спасения детей”. Она занималась помощью детям-сиротам, как “красных”, так и “белых”, обучением их различным ремеслам. Но просуществовала Лига недолго, уже в январе 1921 г. она была ликвидирована⁸². Руководители данной организации – представители “буржуазной” интеллигенции – не смогли наладить отношения с властью. Что касается общества “Друг детей”, то хотя оно считалось “самостоятельной, чисто местной, добровольной общественной организацией”, Устав общества, инструкции по его организации и работе издавались Деткомиссией при ВЦИК⁸³.

Кроме создания различных органов по охране материнства и детства, важнейшей проблемой было обеспечение соответствующей материальной базы для успешной работы в данной области. Существенную роль в этом отношении сыграло формирование в 1924 г. специального фонда имени В.И. Ленина для организации помощи беспризорным детям при ЦИК СССР, с отделением при ЦИК РСФСР, а также на местном уровне - при центральных исполкомах автономных республик, областных и губернских исполкомах⁸⁴. Размер общесоюзного фонда исчислялся в 100 млн. руб., по РСФСР - в 20 млн. руб.; размеры местных фондов устанавливались соответствующими исполкомами. Половина от общих сумм фондов вносилась из государственных средств, другая половина - формировалась из добровольных сборов, разного рода отчислений (например, из местных фондов в центральные). По организации и распоряжению фондом была образована Комиссия при Президиуме ВЦИК. Аналогичные комиссии создавались и при местных исполкомах.

---

⁸² Нечаева А.М. Дети - сироты в России (послеоктябрьский период) // Государство и право. 1993. № 1. С. 120.

⁸³ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.Р-1682. Оп. 1. Д. 1. Л. 46-51.

⁸⁴ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1924. № 3. Ст. 33; СУ. 1924. № 29-30. Ст. 271; СУ. 1925. № 8. Ст. 52, 53.

20 января 1927 г. постановлением СНК был образован также **специальный денежный фонд** для финансирования мероприятий по охране материнства и младенчества при Наркомздраве, а также при краевых, областных губернских и окружных отделах здравоохранения⁸⁵. В него зачислялись средства не только из государственного (центрального и местного) бюджета, но и поступления из фондов Деткомиссии при ВЦИК, ее местных органов, Российского общества Красного Креста, профсоюзов и других общественных организаций, прибыли от подсобных предприятий отдела охраны материнства и младенчества Наркомздрава, местных органов здравоохранения и др.

Кроме того, для оказания помощи детям, для сбора средств на эти нужды, периодически в рамках страны или отдельных регионов проводились “недели ребенка”, “недели охраны материнства и младенчества”, “недели помощи беспризорным детям” и т.п. Осуществление этих акций также законодательно регулировалось⁸⁶. Определенную материальную и организационную поддержку в деле охраны материнства и детства оказывали и государственные органы, занимавшиеся вопросами быта: Комиссия по быту при НК РКИ СССР, Комиссия по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при Президиуме ВЦИК, Жилищно-бытовая инспекция Наркомтруда, Социально-бытовой сектор Центрального управления социального страхования при Наркомтруде.

Охарактеризованные законодательные акты по охране детства не исчерпывают всего комплекса законов, принятых и действующих в 1920-е годы в данной области. Рассмотрены были, главным образом, те постановления и декреты, которые касались общих вопросов организации помощи детям: создания государственных и общественных органов, занимающихся данными проблемами, формирования материальной базы. Оценивая эти законы, следует отметить, что проблеме защиты детей уделялось на правительственном уровне довольно много внимания. Разрабатывались и законодательно закреплялись меры по борьбе с детской беспризорностью и преступностью, созданию сети детских учреждений, оказанию помощи нуждающимся семьям. Во всех этих случаях

---

⁸⁵ СУ. 1927. № 10. Ст. 81.

⁸⁶ СУ. 1920. № 87. Ст. 440; № 82. Ст. 403; 1923. № 13. Приложение.

необходима была слаженная работа государственных и общественных организаций, материальная база. На протяжении 1917 – 1921 гг. шел процесс уточнения и согласования компетенций трех Наркоматов: просвещения, здравоохранения и социального обеспечения - в целях максимально эффективного руководства социальной защитой детей. Был создан целый ряд узкоспециализированных государственных организаций – Комиссия по делам несовершеннолетних, Детская социальная инспекция, Комиссия помощи голодающим, Комиссия для ликвидации последствий голода. Первые две названные организации являлись постоянно действующими, остальные – имели временный характер и были связаны с голодом в Поволжье 1921 – 1922 гг. Большое значение в создании социальной системы защиты детей имели межведомственные государственные органы – Совет защиты детей и Деткомиссия при ВЦИК.

Следует подчеркнуть, что все эти организации создавались не только в центре, но и на местах. Кроме того, на местах шло формирование общественных объединений – “Друг детей”. Их деятельность также в значительной мере регулировалась государством, что имело не только положительные (согласование действий государственных и общественных органов), но и отрицательные последствия (детальный контроль работы, политизация). Те общественные организации, которые хотели помогать детям без вмешательства государства (“Лига спасения детей”) ликвидировались.

Необходимо также отметить целый ряд законодательных актов, направленных на создание денежных фондов для оказания помощи детям: фонда им. В.И. Ленина, фонда охраны материнства и младенчества, фондов деткомиссий и общественных организаций.

Все эти законы заложили необходимый фундамент для создания целой системы органов и учреждений по защите детей. В качестве недостатков можно назвать тотальное огосударствление общественных организаций, направление общественной инициативы только в то русло, которое считалось приемлемым с точки зрения государственной власти.

В целом обзор правовых реформ, происходивших в 1917 - 1920-х годах, позволяет констатировать, что данные преобразова-

ния затрагивали самые разные стороны формирования системы социальной защиты материнства и детства. Новые семейные и трудовые кодексы, законы по организации социального обеспечения и воспитания детей были направлены на охрану прав женщины в семье, на создание более благоприятных условий для совмещения общественно-полезного труда женщин и материнства, облегчение крайне тяжелого положения детей. Большинство названных законов было назревшими и прогрессивными мерами, хотя и не лишенными определенных недоработок и противоречий. Иногда декреты или кодексы содержали ряд преждевременных мер, иногда наоборот, были недостаточно радикальными. Указанные недостатки особенно ярко проявлялись в периоды реализации данных законов и приводили подчас к прямо противоположным результатам. Это, в свою очередь, вызывало необходимость многочисленных переделок, дополнений, уточнений уже принятых и действующих законодательных актов.

Процесс совершенствования законодательства был, без сомнения, сложным, но еще большую трудность представляло воплощение нового права в действительность. Многие законы в течение долгого времени оставались только на бумаге. “Если бы нам удалось провести в жизнь все наши декреты по охране материнства, - отмечала А.М. Коллонтай, - мы могли бы многое сделать для раскрепощения женщины. Декреты эти вызывают восхищение наших зарубежных товарищей, но мы-то знаем, что пока эти декреты только вежи, указывающие путь, по которому еще должна развиваться наша практическая работа”⁸⁷. Кроме нового законодательства, требовался еще отработанный механизм его практического осуществления, который не мог сложиться столь быстро, как принятие законов.

---

⁸⁷ Материалы I Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. С. 38.

Заключение

Формирование системы социальной защиты граждан в после-революционной России имеет длительную и непростую историю. Кардинальным преобразованиям в это время были подвержены многие сферы жизни. Социальные реформы оказались не менее глубокими, чем политические или экономические.

Все проводимые в стране изменения базировались на широкой теоретической и законодательной основе. Разработка теории будущих реформ была начата задолго до их реального проведения - еще в дореволюционное время и продолжена после свершения Октябрьской революции уже с учетом специфики конкретной ситуации. Несмотря на некоторые различия в программах, методах, представлениях о будущем коммунистическом строе, теоретические установки российских государственных деятелей: В.И. Ленина, А.М. Коллонтай, А.В.Луначарского, Н.К. Крупской, Е.И. Ярославского, И.Ф. Арманд и др. - объединяла общая марксистская идея: решение любого конкретного вопроса исходило из нее и было связано с ней. Так, социальная программа по решению “женского вопроса” предполагала в качестве неперенных условий - свершение социалистической революции и осуществление женской эмансипации, т.е. уравнивание женщины в правах с мужчиной во всех сферах жизни общества: политической, экономической, социальной, семейно-бытовой. Последнее программное требование могло быть реализовано только с учетом важнейшей “социальной функции” женщины - материнства, при создании соответствующей системы детских учреждений, полностью или частично заменяющих семью, при охране женского труда, трансформации семейных, бытовых, моральных установок. Домашний труд и воспитание детей планировалось возложить большей частью на государство. Это должно было способствовать не только раскрепощению женщины, но и полноценному развитию детей.

Российские идеологи не хотели пускать на самотек такой процесс, как воспитание подрастающего поколения, поскольку видели в нем средство преобразования общества. В качестве цели ставилась подготовка людей нового типа, способных защитить и про-

должить революционные преобразования, способных построить коммунизм. Сочетание производительного труда, умственного, физического и политехнического обучения должно было стать основой новой воспитательной системы. Значительное внимание уделялось также привитию соответствующих моральных норм – коллективизма, интернационализма, атеизма, трудолюбия, дисциплинированности. Весь процесс воспитания должен был быть политизирован.

Данные теоретические программы содержали в себе как прогрессивные, продуманные идеи, так и крайне радикальные, утопичные и даже вредные. В частности, не вызывают сомнений на сегодняшний день взгляды о необходимости женской эмансипации в обществе, равноправия между мужчиной и женщиной, частичного решения проблем домашнего быта и воспитания детей за счет государственных учреждений. Однако мысли о скором распаде семьи, ее ненужности в будущем, отрицание значения семьи в процессе воспитания детей были чрезмерно радикальными. Они были связаны с желанием уничтожить все, что осталось от старого общественного уклада, и попыткой построить на этом месте нечто принципиально новое. Предлагаемая в теоретических программах система воспитания также содержала разные по значимости составляющие. Основной ее недостаток заключался, на наш взгляд, в излишней политизации воспитательного процесса, целью которого была не гармонично развитая личность, а человек с четким набором качеств, необходимых для построения конкретного общественно-политического строя.

Следует подчеркнуть, что все эти идеи содержались в работах не отвлеченных от реальности мечтателей, а людей, облаченных властью. Поэтому вслед за теорией последовала практика. И первым шагом на пути к воплощению теоретических установок стало их законодательное закрепление. В послеоктябрьский период были в корне изменены принципы построения семейных союзов, права и обязанности их членов. С точки зрения закона, женщина становилась равноправной по отношению к мужу, вводились положения, регулирующие взаимоотношения между родителями и детьми. Был принят целый комплекс мер, облегчающих жизнь работающей женщине-матери. Создавалась законодательная база для оказания

полноценной помощи детям: функционирования соответствующих органов и учреждений, формирования денежных фондов, направления общественной инициативы.

И все же данные правовые акты нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, они законодательно закрепляли назревшие в обществе реформы. Они наглядно демонстрировали очень быстрое движение вперед, сравнительно с тем положением, которое наблюдалось в данных сферах в дореволюционное время. Но, с другой стороны, такие быстрые перемены не всегда приводили к желаемым результатам, особенно если учесть, что осуществлялись они в разрушенной войнами стране. Несмотря на провозглашенное равенство, женщина по-прежнему оставалась менее образованной и экономически зависимой от мужчины. Крайне сложно было изменить и традиционные установки на роль женщины в семье, которые складывались веками. Приобретая по новому законодательству “бумажную свободу” в браке, женщина сталкивалась с вполне реальными трудностями в случае легко получаемого развода, который мог производиться безо всяких оговорок и ограничений по желанию одного из супругов. Государство же на тот момент не обладало достаточными возможностями, чтобы оказать помощь всем нуждающимся одиноким женщинам, и особенно одиноким матерям.

Ряд недоработанных моментов присутствовал также в законах по социальной защите детей. Исходя из теоретических взглядов о разложении семьи, о ее слабой роли в процессе воспитания детей, законодатели явно недооценивали значение таких социальных мер, как опека, попечительство, усыновление. С 1918 по 1926 гг. усыновления были запрещены. Опекунское право было слабо проработанным. Между тем эти меры (материальной поддержки таких семей, организации необходимого контроля) в случае внимания к ним государства, могли бы существенно помочь в ликвидации детской беспризорности и сэкономить много сил и средств, потраченных на организацию детских домов. Общественная инициатива, направленная на помощь детям, была возможна лишь в тех формах, которые разрешались государством и не противоречили идеологии. Деятельность общественных организаций находилась под пристальным вниманием властных структур.

Трудовое право также содержало в себе ряд положений, оторванных от реальной действительности. Так, исходя из идеи обязательного привлечения всех трудоспособных граждан к производственной деятельности, в 1918 г. вводится всеобщая трудовая повинность. Несмотря на законы, направленные на охрану женского труда, вводившие льготы, пособия, отпуска для трудящихся матерей, совмещение трудовой деятельности и материнства оставалось весьма проблематичным. Как отмечалось на совещаниях специалистов, далеко не все принятые постановления реально действовали, сеть детских учреждений была мизерной. Единственным фактором, смягчавшим действие трудовой повинности, была безработица. Кроме того, учитывая материальное положение большинства семей, женщины в любом случае вынуждены были искать себе работу.

К числу невыполнимых законов можно также отнести запрещение в 1918 г. ночного труда женщин. На предприятиях, работавших в три смены, на телефонном узле, телеграфе, железных дорогах, в медицинских учреждениях (где использовался ночной труд женщин) невозможно было всех женщин заменить мужчинами, что привело к частичной отмене данного закона.

С 1920 г. в законодательной деятельности государственных органов наблюдается более продуманный, осторожный подход. Это проявилось и в отношении к трудовой повинности, и в формировании нового Семейного кодекса, принятого после проведения общенародного обсуждения. В качестве недостатков законов периода НЭПа следует отметить слабую проработку мер по сокращению женской безработицы, которая достигает в это время внушительных размеров. Массовое увольнение женщин с предприятий (как менее ценных работников) требовало от государства более решительных действий по защите их прав.

Оценивая первые советские законы, необходимо подчеркнуть, что в целом они были направлены на защиту интересов наиболее уязвимой части населения – женщин и детей – заложили ту основу, на которой в значительной степени строится современное право в нашей стране. Однако на тот момент последствия данных законов были далеко не только положительными. Многие из них, из-за отсутствия механизма реализации, долгое время оставались только на бумаге.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы социальной политики	
Советской России	26
1.1. Марксистские теории решения “женского вопроса” (К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Бебель, В.И. Ленин).....	26
1.2. Идеи А.М. Коллонтай по проблемам реформы семьи, быта, женской эмансипации. Теория “свободы любви”	41
1.3. Отношение власти и общества к идеям А.М. Коллонтай.....	49
1.4. Советская идеология и задачи формирования “нового человека”.....	58
Глава 2. Новое советское законодательство по проблемам социальной	
защиты материнства и детства. 1917 – 1920-е годы.....	65
2.1. Реформы семейного права	65
2.2. Трудовое законодательство: охрана женского труда	74
2.3. Правовые основы охраны детства.....	84
Заключение.....	96

Учебное издание

Рябинина Наталья Валерьяновна

**Социальная политика Советской России
(октябрь 1917 – 1920-е годы).**

Женщина, семья и дети в новом обществе
Учебное пособие

Редактор, корректор А.А. Аладьева.
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 21.10.2004. Формат 60×84/16. Бумага тип.
Усл. печ. л. 5,81. Уч.-изд. л. 5,1. Тираж 70 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Отпечатано

ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.
г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37 тел. (0852) 73-35-03.